Юрий Маликов

Мой адрес –
не дом и не улица...

Москва 2009

«В жизни каждого человека
звучат колокола судьбы, но не
все слышат их звон».

Услышавший колокол

Это мудрейшее изречение Э. Хемингуэя Юрий Маликов недаром выбрал эпиграфом к своей книге. Уж кто-кто, а он точно знает, что такое вовремя услышать колокола судьбы.

Музыкант по своей первой профессии, я с увлечением изучал многие музыкальные течения в юности, которая как раз и совпала с появлением вокально-инструментальных ансамблей. Особенно мне был близок вокально-инструментальный ансамбль «Самоцветы». Во-первых, своим кровным родством с теми, для кого он творил. Песни, которые исполнялись, были понятны и дороги зрителю семидесятых, и они по праву стали классикой российской вокальной эстрады. И хотя прошло много лет, они и сегодня не утратили ни своего значения, ни красоты.

Я мечтал встретиться с Юрием Маликовым, мечтал в свои двадцать лет стать солистом его ансамбля. Но жизнь распорядилась иначе. Впервые я встретился с Юрием Федоровичем, будучи сотрудником Главного управления культуры исполкома Моссовета. А наше личное знакомство состоялось в Театре Эстрады, на сцене которого Маликов выпускал свой уникальный музыкальный спектакль

на базе ВИА «Игра в волшебный тир». Я тогда возглавлял приемную комиссию от Главка — факт этот я детально описал в своей книге «Эстрада по обе стороны Москвы-реки», где и поделился впечатлениями об этой работе ансамбля «Самоцветы». Потом, до печальных 90-х, мне удалось увидеть многие программы ансамбля. Когда у «Самоцветов» в 95-м году открылось второе дыхание, я был этому рад. Мы не раз встречались с Юрием Федоровичем в Концертном зале «Россия», где часто выступал ансамбль и где я был директором и художественным руководителем до перехода на эту должность в ГКД. С радостью откликнулись мы на предложение Маликова о проведении 30-летнего, а позднее и 35-летнего юбилея ансамбля на сцене Государственного Кремлевского Дворца.

Как быстро бежит время! Давно ли я мечтал выйти на сцену с гитарой вместе с солистами «Самоцветов», и вот уже прошло более 35 лет. Юрий Федорович очень оптимистично назвал свою праздничную программу «Вся жизнь впереди». А сколько осталось за спиной... Причем, не только хорошего, но и того, что приносило непреходящую боль. Обо всем этом он и рассказывает в своей книге — мальчишка с хутора Чеботовка, ставший одним из самых известных деятелей российской музыкальной эстрады.

Как говорили наши мастера, эстрада — не место службы, а своеобразный самостоятельный вид искусства. Эстрада — область подвижничества в искусстве, и надо иметь много мужества, чтобы стать эстрадным чародеем. Юрию Маликову это удалось.

Он долго готовился к этой книге, и я его понимаю. Ведь он не ставил перед собой задачу написания легкого чтива, увлекающего читателя лихими откровениями и ернически рассказанными эпизодами из жизни эстрадных знаменитостей. Нет, он проделал очень серьезную работу, сумев поднять на должную высоту масштабный исторический пласт нашей эстрадной культуры на примере созданного им нового вида музыкального вокального жанра. И ему это тоже удалось.

В своей книге Маликов красочно и подробно описывает историю создания и жизни замечательного ансамбля. Он

нашел удивительно добрые и справедливые слова для оценки творчества своих единомышленников и коллег. Не обошлось и без горьких слов в адрес тех, кто его предал в 1975-м, но и тут он остался всепонимающим и корректным Юрием Маликовым. Мне показалась очень симпатичной его «писательская манера» все пропускать через себя, свою душу.

Да, Юрий Федорович еще в родном хуторе, когда брал первые уроки игры на баяне у отца и деда, услышал звон колоколов судьбы и сделал все, чтобы она состоялась такой, как он ее задумал. Не все имеют право рассуждать о творчестве от имени целого поколения, я имею в виду моральное право, а не финансовые возможности. Юрий Маликов, созидатель и музыкант, переживший победы и поражения, это право имеет! Он напоминает мне мудрую птицу, которая, научив своих питомцев летать, никогда не станет цепляться за их крылья. Ему есть чем гордиться... На страницах своей книги он перечислил имена талантливых людей, для которых его ансамбль стал взлетной площадкой. Хотя сегодня они и не в одной команде, но их связывают теплые человеческие отношения. И о том, что они «родные по крови», говорит сам факт их общего участия в 35-летнем юбилее ВИА «Самоцветы».

И еще. Как профессионалу мне приятно, что в своей книге Ю.Маликов говорит о родстве классики и эстрады, с великим уважением пишет о мастерах сцены. Мне думается, что отдельные фрагменты его книги, посвященные близким людям, родственникам, любимой жене, детям, которыми он гордится, — есть подтверждение жизненных и творческих критериев этого истинного рыцаря Созидания, Верности и Благородства.

Петр Шаболтай,
президент Международного союза
эстрадных деятелей, художественный
руководитель-директор Государственного
Кремлевского Дворца, кандидат
искусствоведения, народный артист РФ.

Глава I

Приглашение к серьезному разговору

К этой книге-исповеди, как мысленно называю свой рассказ о прожитом и сделанном, я готовился долго и, конечно, хотел ее начать со счастливых воспоминаний о создании и становлении ансамбля «Самоцветы». Но жизнь внесла свои коррективы, и когда, наконец, я взял в руки перо, на бумаге невольно появились горькие строки, с которых я и начинаю свою книгу.

Девяностые годы я пережил очень трудно. Сейчас, когда вспоминаю те времена, у меня портится настроение и душа леденеет. Людям в ту пору было не до музыки, и вообще вся духовная жизнь в одночасье подменилась одним всеобъемлющим стремлением — заработать. Я вдруг понял, что ни мы, «Самоцветы», ни наши песни никому не нужны, а я сам... Впрочем, за меня лучше всего сказал когда-то Сергей Есенин: «... И не нужна Вам наша маета, и сам я Вам ни капельки не нужен». И я впал в депрессию. Жуткое, надо сказать, состояние, печальный выход из которого я видел только в переходе на положение пенсионера. Иногда вспоминал 70—80-е годы — времена расцвета нашего ансамбля, но от этого мне становилось еще грустнее.

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» — вслед за поэтом спросил я и, подводя итоги этому «сну», сказал Люсе,

любимой жене, которая разделяла со мной все страдания и тревоги: «Все! Свой долг рожденного на земле я выполнил: построил дом, посадил дерево, вырастил не только сына, но и дочь. Ухожу в пенсионеры!». И тогда Люся ответила мне: «Прекрасно! Теперь наконец-то у тебя будет время заняться мемуарами. Потому что лучше тебя об истории ансамбля никто не расскажет, а это очень важно и для всех, кто вышел из «Самоцветов» в большую жизнь, и для тех, кто рядом с тобой прошел творческий путь «Самоцветов» на российской эстраде. Словом, давай, пиши мемуары, пенсионер».

Я тогда подумал, что это очень дельное предложение. Но пенсионера из меня не вышло, как, впрочем, и «писателя» тоже. Правда, я успел кое-что надиктовать, написать, и даже просмотрел весь архив. Но не буду оригинальным, если скажу, что работа над книгой — дело очень трудоемкое, оно требует не только литературного таланта, документальной точности, честности и принципиальности в твор-

Юбилейный концерт в Государственном Кремлевском Дворце

ческих оценках, но и умения вновь «пройти» свою жизнь со всеми ее потерями и поражениями, находками и радостями. А это, поверьте, очень непросто! За прошедшие годы я неоднократно пытался сесть за книгу, но только юбилей «Самоцветов», празднующих громко и весело свое 35-летие на лучшей сцене страны — в Государственном Кремлевском Дворце, и замечательные артисты, которые начали свой путь в «звезды» в нашем ансамбле, сделали это возможным. Я обязательно в своей книге перечислю талантливых людей, вышедших из «недр» нашего коллектива и принесших истинную славу российской эстраде.

В дни юбилея о нас писали многие самые разные издания. Конечно, приятно, когда тебя называют бессменным идеологом, создателем и руководителем ВИА, вошедшего в историю отечественной культуры. Но еще приятнее мне читать на страницах авторитетных печатных изданий о том, что по тиражам пластинок, количеству шлягеров, вошедших в золотой фонд советской и российской эстрады, по количеству звезд, ныне сверкающих на эстрадном олимпе, нашему ансамблю равных нет.

Нам повезло. Волей Всевышнего «Самоцветам» дарована непреходящая молодость, и наше стремление к открытиям и свершениям может служить примером для многих молодых ансамблей.

Великий композитор Родион Щедрин как-то сказал: «Научить сочинять музыку нельзя, но научиться можно. Настоящий музыкант, профессионал может объяснить какие-то вещи так, что его объяснения уберегут от синяков и шишек, набиваемых по жизни, и это даст возможность сэкономить время для познания музыкальных таинств». Такая мудрая мысль! И я, по-моему, — яркое подтверждение этому. Конечно, в своей книге я расскажу и о себе, и о близких, но это чуть позже. А сейчас мне хотелось бы поговорить преимущественно о творчестве. Не отрывая, конечно, свои деяния от этой замечательной темы.

Итак, я родился в Ростовской области, когда на земле гремели раскаты Великой Отечественной войны. Шел 43-й год. Я рос и жил как все мальчишки тех времен. По-

ЮрийМаликоввсоставеинструментальноготриоподруководством Бориса Векслера

том судьбе было угодно, чтобы я приобретал специальность в Подольском индустриальном техникуме, и здесь-то я вдруг безумно увлекся самодеятельностью. Мой папа играл на баяне, аккордеоне, гармони, и, естественно, я имел какие-то навыки в музыкальной деятельности, а в техникуме эти навыки просто расцвели махровым цветом. Еще я научился немного играть на гитаре и, конечно же, на контрабасе.

Видимо, я все-таки стал неплохим музыкантом, потому что в 1961 году меня охотно взял в свою труппу «Москонцерт». Мне тогда было 18 лет, и я уже твердо решил, чем буду заниматься в этой жизни. В тот период я увлекался джазом, выступал даже с Игорем Брилем и Германом Лукьяновым. Думаю, удачно, так как мое профессиональное мастерство было удостоено звания лауреата первого Московского джазового фестиваля.

Я много работал, обретая профессию, окончил училище имени Ипполитова-Иванова и поступил в 1965 году в московскую консерваторию. Нашей кафедрой в консерватории заведовал Мстислав Ростропович, правда, тогда его не называли, как сейчас, Великим, но от этого он не был менее талантливым. Ему в то время было всего 38 лет, но он уже приобрел широкую известность в музыкальных кругах. Мы, его студенты, искренне любили и уважали Мстислава Леопольдовича, думаю, он нас тоже любил, хотя внешне всегда выглядел человеком очень строгим, и мы его немного побаивались. Но это скорее было уважение, чем страх. Мы знали Ростроповича как веселого и остроумного человека и понимали, как фантастически он талантлив, а талант, по-моему, не совместим с отрицательными человеческими качествами.

Вообще, консерваторию я вспоминаю как самое дорогое и святое для меня место. Там в мои времена царила особая атмосфера, которая настраивала на выполнение задуманного и очень дисциплинировала. Мне, я уверен, многое удалось сделать именно благодаря этой дисциплине. И я очень рад, что сын Дима получил образование в стенах моей любимой консерватории. Консерваторию я окончил в 1969 году, а через два года уже стал художественным руководителем созданного мной ансамбля. Как говорили в старину, упорство и труд все перетрут. Это действительно так. Вспоминая то время, невольно сравниваю себя с Шумахером: свои музыкальные университеты я осваивал в безумно напряженном ритме, мое страстное желание добраться до финиша напоминало состояние человека за рулем на старте автогонок.

Все прожитые в качестве лидера «Самоцветов» годы я провел, чего-то опасаясь. Сейчас честно признаюсь: я боялся что-то упустить, куда-то не успеть. Я действительно был своеобразным Шумахером на эстрадной дистанции, и в таком состоянии жил до 90-го года. Опять вспоминаются эти черные девяностые, кругом все рушилось, шла переоценка ценностей, гулливер-бизнес шагал по стране лилипутов... Я впервые в жизни по-настоящему растерялся.

Казалось, что все сделанное осталось где-то далеко позади. А сделано, честно говоря, было немало. Только дис-

Золотой состав ВИА «Самоцветы». 1973 год

ков-гигантов записано четыре: «Мой адрес — Советский Союз», 1972; «У нас, молодых», 1974; «Путь к сердцу», 1980; «Прогноз погоды», 1984; не считая огромного числа миньонов (пластинок, состоящих из четырех произведений).

Никак не могу «соскочить» с этой темы — дух смутного, вернее, мутного времени. Слава Богу, все это позади, и в 95—98 годах мы как-то оживились и даже записали несколько альбомов старых и новых песен. Вообще-то у нас песен в репертуаре много, но могло бы быть на одну больше. Иногда я явственно слышу вопрос, хотя кто его задает, не знаю: «Вы слыхали, как поют дрозды?». Эта замечательная лирическая и романтическая песня могла бы быть нашей, но волей судьбы этому не суждено было случиться. Владимир Шаинский — композитор удивительный и человек, ни на кого не похожий. В своей умной книге «Эстрада по обе стороны Москвы-реки» известный эстрадовед

Петр Михайлович Шаболтай дал ему удивительно точную характеристику. Привожу цитату: «В кабинете у великого физика Нильса Бора висел плакат: «Вечного двигателя не существует. Это знают все. А вдруг?». Это «а вдруг» полностью относится к Владимиру Яковлевичу Шаинскому, сумевшему схватить за хвост мечту человечества и, главное, реализовать все возможности, которые ему предоставило «владение вечным двигателем».

Так вот, Шаинский принес мне своих «Дроздов» и, захлебываясь от творческого возбуждения и, как всегда, подпрыгивая, стал требовать, чтобы я немедленно приступил к записи его шедевра.

В том, что это шедевр, не сомневались ни он, ни я. Мне очень, просто очень хотелось, чтобы «Дрозды» вошли в репертуар «Самоцветов». Но я не мог начать делать это немедленно, потому что работали мы тогда в «Москонцерте» и по команде руководства на следующий день отправлялись в длительные гастроли, наши выступления были запланированы на сценах разных городов. Отменить их мы не имели права, в те времена срыв гастрольного графика карался очень строго: мы все состояли на государственной службе. А Владимир Яковлевич, к сожалению, не соглашался ждать ни дня. В этом весь Шаинский!

Когда он спросил меня: «Кто кроме вас хорошо споет «Дроздов?», я, ни на минуту не задумываясь, ответил: «Песняры». Он со мной согласился, и через месяц я услышал в исполнении «Песняров» по радио песню «Вы слыхали, как поют дрозды?». Спета она была замечательно чисто, Леонид Борткевич сделал это проникновенно и очень душевно. А я до сих пор очень жалею о том, что «Дрозды» спели не мы.

А на нас Шаинский какое-то время, по-моему, все-таки обижался. Композиторы — люди своеобразные, им всегда хочется, чтобы все было так, как видится и слышится им, и только они правы. А у нас, исполнителей, зачастую бывает свое восприятие песни, которое не разрушает и не меняет музыкальной значимости творения.

Как пример могу привести инцидент, который у нас возник с замечательным композитором Серафимом Туликовым,

не принявшим поначалу нашу аранжировку его песни «Не повторяется такое никогда». Он хотел, чтобы она звучала более апофеозно, а в нашем исполнении она скорее слышалась как сердечное откровение. Туликов этого принять не мог, и даже был момент, когда он чуть не порвал ноты. Обиделся и убежал. Я тогда тоже расстроился и даже, честно признаюсь, растерялся. Песня мне нравилась, звучала она в нашем исполнении очень проникновенно, поэтому, естественно, хотелось сохранить ее в репертуаре «Самоцветов».

Слава Богу, все закончилось хорошо. Наша аранжировка понравилась дочери Серафима Сергеевича Алисе и поэту Михаилу Пляцковскому. Они-то и убедили Туликова, что только наша «подача» его песни принесет ей всеобщее признание, потому что она рассчитана на всякое отсутствие помпезности и гармоничное сочетание поэтического текста с музыкальной основой. Туликов прислушался к их мнению и поручил Мише Пляцковскому вернуть нам ноты и передать его согласие на сотрудничество.

Звездный путь. Продолжение. 1976 год

Работа в студии «Мелодия»

Мне довелось работать с разными композиторами. Есть у нас в репертуаре замечательная песня «Не надо печалиться», музыку к которой написал Алексей Экимян. Между прочим, генерал-майор милиции, без консерваторского образования. Он много души и сердца вкладывал в свою музыку и никогда не возражал против аранжировок, считая эту работу необходимой составной частью творческого процесса рождения музыкального произведения.

А вот сейчас, несмотря на обилие артистов вокального жанра, который заполонил всю эстраду, с песней ситуация складывается совсем не простая. Я уже говорил об этом, но хочу еще раз вернуться к этой теме.

Когда-то Б.С. Брунов в театре Эстрады поставил памятную программу «Татьяна, помнишь дни золотые...». Это и стало началом ретро на эстраде, то есть началом попытки вернуть сердечность и проникновенность старых песен новому зрителю. Песни-то вернуть можно, но где взять певцов, способных своим исполнением вызвать слезы любви, очищения, грусть и радость, сердечную боль и душевное умиротворение, — сделать зрителя счастливым может далеко не каждый исполнитель.

Однажды в интервью мне пришлось очень подробно отвечать на вопрос: «Почему проникновенность в песнях сейчас дефицит?». Я думаю, что ее привносили на эстраду такие гиганты, как Марк Бернес, Клавдия Шульженко, Леонид Утесов, Владимир Трошин.

А сейчас встретить искренность очень сложно. У Земфиры я ее слышу, считаю, что среди наших молодых исполнителей одаренностью выделяется Сергей Лазарев, группа «Тату». В них есть искра Божья, а это главное. Есть что-то трогательное в песне «Проститься», которую исполняет группа «Ума Турман». Но это так мало на огромную страну!

Я не вчера родился и помню времена, когда композитор мучил поэта, пока не находил идеального совпадения мелодии и слова. «Поле, русское поле...» А если заменить «поле» на «небо», то это будет совсем другая песня. В те времена у рояля между композитором и поэтом происходили настоя-

щие творческие баталии, в результате которых и рождалось их общее детище — Песня, выстраданная, радующая своих создателей. Не всегда, но очень часто в этом процессе сотворения песни был задействован и исполнитель. Теперь же зачастую поэт не знает автора музыки, а тот не знаком с поэзией сочинителя слов к его будущей песне. Каждый из них «творит» свою составляющую часть. Потом по воле нового лица — то ли продюсера, то ли менеджера, то ли спонсора — эти составные части соединяются.

Глубоко убежден, что настоящую песню должны творить единомышленники. Сейчас же все создается в отрыве друг от друга: формально пишется какая-то электронная музыка, формально придумываются тексты, формально исполняется этот материал в формальной «схеме сведения». В результате в мир «выбрасывается» очень технологичное и очень современное произведение. Одна беда: в нем нет души и нет сердечного трепета. Конечно, зрители и это «съедят», только результат будет тот же, как от некачественной пищи.

Обычно почему-то считается, что если в репертуаре коллектива есть песня на патриотичную тему или тему любви к народу, стране, то она пишется на заказ. Ерунда все это! Все лучшие советские песни написаны именно на эти темы:

«Слушай, товарищ, война началась,
Бросай свое дело, в поход собирайся...»

«... Идет война народная, священная война»

«Но помнит мир спасенный...
Мир вечный, мир живой
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой...»

«И живу я на земле доброй за себя и за того парня...»

На гастролях в городе Тольятти. 1974 год

Любой из нас может назвать десятки песен, связанных с историей страны, народа, его подвигами. Это песни сердца, и они не создаются по заказу.

Меня часто спрашивают: «Песня «Мой адрес — Советский Союз» была написана на заказ?». История создания этой песни, ставшей нашей визитной карточкой, такова. На одном музыкальном собрании поэт Владимир Харитонов высказал пожелание, чтобы на его новые стихи была написана музыка. Когда он прочел свое стихотворение, композитор Давид Тухманов тут же сказал, что напишет музыку, и что эта песня будет предназначена для ансамбля «Самоцветы». Она нам очень понравилась. «Мой адрес — не дом и не улица...» написана от души талантливыми авторами (кстати, создателями такой замечательной песни, как «День Победы»), и мы очень гордились, что стали ее первыми исполнителями. Эта песня надолго вошла в репертуар «Самоцветов», пели ее мы всегда тоже от души. Свято вери-

ли в то, о чем пели. Уверен: если бы исполняли ее формально, то она исчезла бы из нашего репертуара и из людской памяти.

Как-то нас попросили (было это в другие времена) сделать песню «Мой адрес — Советский Союз» более маршевой, точнее, более «кондовой». У нас уже были случаи, когда к какому-нибудь празднику — Дню города, Дню защитника Отечества — надо было несколько изменить форму исполнения песни, например, убрать плавность, лиричность, усилить ритм... Я помню, мы «перерабатывали» исполнение песни, посвященной Дню строителя. Поступило указание от «хозяина» тогдашнего телевидения Сергея Георгиевича Лапина сделать ее более формальной. Сделали. Тот вариант песни

сегодня никто не помнит. А «Мой адрес — Советский Союз» до сих пор значится в числе самых любимых песен. Именно она, эта песня, объединяет жителей некогда единой страны.

В нашем репертуаре сегодня более 500 песен самых разных авторов и разной направленности. Разговор о репертуаре — сложная и интересная тема. Репертуар определяет профессионализм и значимость, вернее, общественную значимость людей, выходящих на сцену.

ВИА как явление у нас на эстраде зародилось с «Поющих гитар». А родоначальником создания песен для вокально-инструментальных ансамблей является замечательный композитор Юрий Антонов. Его песня «Для меня нет тебя прекрасней» открыла эпоху ВИА. Юрий Антонов — основоположник вокально-инструментального жанра в нашей стране, это должен знать каждый музыкант и каждый зритель — поклонник ВИА. Юрий Антонов тогда работал в «Поющих гитарах», и его песня очень способствовала росту активного интереса молодых людей к гитаре.

На волне этого интереса появились «Голубые гитары» Игоря Гранова, «Веселые ребята» Павла Слободкина, московский коллектив «Добры молодцы». Эти ансамбли сразу вызвали огромный зрительский интерес и завоевали популярность. Изначально в их программах звучали многие известные европейские шлягеры, правда, текст на них накладывался русский. Одними из первых запели свои шлягеры на родном белорусском языке «Песняры» Владимира Мулявина. Вообще, вспоминая тот период, мне сложно дать ему конкретное определение. Он был непонятный, вернее, необъяснимый — а как иначе назвать время, когда ансамбль есть, а песен, созданных отечественными поэтами и композиторами, в его репертуаре было мало. Наши вокально-инструментальные ансамбли до «Песняров» почти не исполняли родных советских песен. О времена, о нравы! Мне пришлось очень поднапрячься, чтобы найти нишу, в которую я бы мог поместить свое детище, и очень тщательно продумать образ, именно образ будущего ансамбля, его характер и, как это ни странно звучит, интеллектуальную позицию.

В те времена традиционные советские песни звучали с эстрады только в исполнении наших лучших певцов, которые авторитетно определяли качество вокальной эстрады тех лет: М. Магомаев, И. Кобзон, В. Ободзинский. Они остались лучшими и сегодня, но тогда они стали для меня просто магами, которые помогли решить великую задачу: что и как петь. С их помощью я точно определил свою нишу на эстрадных подмостках.

Судьбоносной стала для меня встреча с Марком Фрадкиным, который предложил песню на стихи М. Пляцковского «Увезу тебя я в тундру». Это было очень щедрое предложение, ведь «Тундру» вначале он планировал отдать Краснознаменному ансамблю им. Александрова, а отдал мне и моему никому не известному тогда коллективу.

Мы тогда даже имени не имели, просто назывались ансамблем под руководством Юрия Маликова. «Увезу тебя я в тундру» — это историческая веха нашей творческой биографии. Именно эта песня подарила нам имя. Однажды,

Начало пути. 1971 год

когда мы спели строчку «Сколько хочешь САМОЦВЕТОВ мы с тобою соберем...», мы вдруг разом все замолчали и посмотрели друг на друга. Это удивительно, но у всех одновременно возникло желание стать «самоцветами». И мы ими стали!

Для появления эстрадного музыкального коллектива время было сложное. В музыке 70-х годов узаконено было два направления: классическое и народное. Я уже упоминал, что на заре своей деятельности увлекался джазом.

Но в те времена джаз был не востребован, и мои попытки создать инструментальный ансамбль, чтобы играть джаз, успеха не имели. Непривычно звучавшие ритмы зрителям казались неинтересными и инородными. Они не воспринимали их, мало того, по-моему, джаз даже раздражал. Это необъяснимо — ведь вместе со мной на эстраду выходили выдающиеся инструменталисты Игорь Бриль, Леон Оганезов, Михаил Банк, Симон Коган, Александр Тартаковский, тот самый, который впоследствии создал «Акварели». Действительно странно: раньше от одних этих имен зрители теряли голову и впадали в экстаз еще до того, как раздавались первые звуки. А тогда зрители просто были похожи на айсберг, «такой холодный».

Недавно в свет вышла новая книга известного эстрадоведа и театроведа Глеба Скороходова, посвященная творчеству Л. Утесова, и не только Утесова. Труд Скороходова — это расширенная панорама творческой жизни времени, когда творили такие мастера, как Дунаевский, Утесов, Эрдман, Шостакович, Зощенко... Кстати, подзаголовок «Друзья и враги», на мой взгляд, удачно соответствует отношениям всех задействованных в книге персонажей, как «гениев», так и «злодеев».

В подтверждение моего суждения о восприятии джаза в те времена хочу привести цитату из книги Глеба Скороходова, посвященной Утесову. На совещании в апреле 1949 года, проходившем под громким названием «Советская массовая песня и образы нашей современности», докладчик П.И. Апостолов обрушился на джаз, сожалея, что «некоторые

все еще увлекаются сочинением джазовой музыки» и призвал «решительно осудить попытки джазофикации вкусов советских людей».

Он сказал: «Иногда это делается вполне открыто без желания оправдать сюжетом откровенно джазовый характер песенки. И сейчас кое-где наблюдаются возмутительные факты, когда танцы русские, бальные, краковяки и польки звучат в джазовом облачении, и под них начинают танцевать фоксы».

И.О. Дунаевский тогда не согласился ни с одним словом докладчика. Он сказал, что джаз уничтожить невозможно, что «джазовые элементы уже давно растворены в нашей массовой песне, способствуя появлению в ней новых моторных качеств и новых стилевых приемов».

И надо же было такому случиться: увлекшись джазом, через много лет я думал о нем и относился к нему так же, как великий Дунаевский.

Сегодня в музыкальном мире произошли значительные изменения, порожденные новыми законами и полной оккупацией творчества шоу-бизнесом.

Это зримо сказалось и на содержании, и на форме материала, который показывается на эстраде, и, конечно же, на деятельности ансамблей, чьи музыкальные приемы и художественные традиции ныне зачастую находятся во власти непрофессионалов в творчестве.

***

У «Самоцветов» везение началось с «Тундры», и мы потом долго считали эту песню своим талисманом. Со временем появились другие песни — надо сказать, что недостатка в предложениях у нас никогда не было. Даже замечательные «Дрозды» Владимира Шаинского сначала «залетели» к нам, но об этом я уже рассказывал.

35 лет на эстраде — это, конечно же, подвиг! Если бы наши песни утратили популярность, то до этого юбилея мы не дожили бы. Я думаю, секрет нашего долголетия и

Юрий Маликов и Михаил Ковалевский

зрительского интереса в том, что мы не бегали за модой, не пыжились переплюнуть The Beatles или кого-то из заокеанских звезд. Наш ансамбль с самого начала стремился жить и творить в одном ритме со своей страной, и в творческой деятельности мы всегда учитывали интересы тех, для кого поем.

Например, в 70-е годы, которые вошли в историю комсомольскими стройками и особой романтикой, рожденной энтузиазмом и трудовым подъемом тех дней, названных временем БАМа, у нас появилась такая песня:

«Рельсы упрямо режут тайгу.
Дерзко и прямо в зной и пургу.
Веселей, ребята, выпало нам
Строить путь железный,
А короче — БАМ».

Когда песня о БАМе появилась в нашем репертуаре, мы сочли для себя обязательным поехать туда, куда агитировали ехать молодежь. Эта поездка стала для нас исполнением желанной мечты. «Обязательно поедем на БАМ», — все время повторяли мы. И «Самоцветы» обязательно поехали бы туда. Но, видимо, не суждено... Дело в том, что в начале строительства там даже не было электричества, и нам с нашими гитарами некуда было подключаться. Когда же электричество перестало быть проблемой, другой проблемой стал собственный вес «Самоцветов». Мы не раз предлагали себя руководству БАМа, но, услышав, сколько мы весим (ни много ни мало пять тонн), нам всегда задавали один и тот же вопрос: «Как вы себе представляете устройство и размещение всех этих ваших тонн у нас в лесу?». Ответа мы не находили.

«Самоцветы» всегда пели о том, что считали важным — вне зависимости от актуальности момента. Зрительскую любовь завоевала песня из нашего репертуара «У деревни

Крюково». Как известно, Крюково находится под Москвой, у Зеленограда, и именно там в годы Великой Отечественной войны были остановлены фашистские войска.

«Шел в атаку яростно 41 год.
У деревни Крюково погибает взвод.
Все патроны кончились, больше нет гранат,
Их в живых осталось только семеро —
молодых ребят».

«У деревни Крюково» — одна из знаковых песен «Самоцветов». Не могу не сказать, что лучшие наши песни создавались во времена, называемые застойными. Парадокс, но факт. И это моя принципиальная точка зрения: во времена застоя в стране никакого застоя в творчестве не наблюдалось! Именно в те годы писались интересные книги, снимались замечательные фильмы и создавались хорошие песни. Все, что во времена застоя создавалось в искусстве, отличалось удивительно умным содержанием, фантастически интересными решениями, и, что немаловажно, высочайшей духовностью. И еще — во всем созданном всегда чувствовалась и-зю-мин-ка. А уж как любят и ценят зрители эту самую изюминку, и говорить не надо.

Действительно, странно: когда страна погружалась в застой, творческая энергия била через край. Необъяснимый факт!

Сейчас ситуация совсем другая: ярких, поражающих и очаровывающих творений нет, но жизнь стала вполне цивилизованной. И дома строим, и квартиры благоустраиваем, и одежда, и еда на любой вкус... Только Политехнический музей штурмом не берем, у памятника Маяковского стихами не заслушиваемся, классика даже на сцене уважаемых академических театров в новом прочтении не радует душу... Новых Вампиловых нет. И о главном говорят «старые» песни. А где новые? Впрочем, это уже другая тема. Я иногда думаю, что многим людям не импонирует то, что

Юрий Маликов с группой «NEW Самоцветы». 2006 год

происходит в сегодняшней поп-музыке, иначе почему наши песни-долгожители сегодня «спасают» программы дискотек?

Мне все песни из репертуара «Самоцветов» очень дороги и своей трепетностью, и патриотизмом, и актуальностью на все времена. Я считаю, что нам очень повезло: ведь с нами всегда работали лучшие поэты и лучшие композиторы. Песни — они родные, они — дети для тех, кто их создает и поет. Песни — самое любимое и дорогое, что есть в душе у каждого из нас.

Вот почему я уверен, что, осуществив новый проект, создав «New Самоцветы» и передав им как бесценный дар наши песни — песни ВИА «Самоцветы», но с новыми современными аранжировками, мы сделали важное дело — продлили жизнь любимым песням.

Кто-то очень лихо придумал формулировку «Старые песни о главном». Никакие они не старые, они просто о главном — были, есть и будут. А сейчас, назвав их старыми, о них вспомнили, потому что брешь закрыть надо, а нечем. Вот песня из разряда старых:

«Как это все случилось, в какие вечера?
Три года ты мне снилась, а встретилась вчера...»

Какие хорошие трепетные слова и запоминающаяся мелодия. А вот нынешнее песенное объяснение в любви:

«Ты целуй меня везде —
Я ведь взрослая уже».

Так и хочется к этому добавить: «Банька моя, я твой тазик».

«New Самоцветы» — это наш проект с Инной Маликовой. В составе ансамбля — молодые артисты, уже успевшие стать известными. Александр Постоленко начал свою

творческую биографию в мюзиклах «Notre Dame de Paris» и «Ромео и Джульетта», Михаил Веселов — призер «Фабрики звезд», женскую половину представляют две очаровательные певицы, продолжательницы актерских династий — Яна, дочь солиста «Песняров» Валерия Дайнеко, и Инна, моя дочь, выпускница Российской Академии театрального искусства. Она является не только солисткой коллектива, но и вместе со мной автором проекта и руководителем нового ансамбля. Я уже говорил, что ребята поют многие наши известные песни: «Али-Баба», «Все, что в жизни есть у меня», «Лето-лето» и другие. Разумеется, песни эти звучат в новых аранжировках. Помимо песен первых «Самоцветов», солисты нового ансамбля будут исполнять и песни, написанные специально для них. Это просто замечательно, что жизнь песен «Самоцветов» будет продолжаться в звучании молодых голосов и в их собственном прочтении каждой новой песни.

Задумывая новые «Самоцветы», мы совсем не пытались создать что-то ультрамодное, вызывающе оригинальное — нужно было сохранить сердечность и задушевность родных нам песен, и у нас это получилось.

Кстати, эстетика туалетов исполнителей и их манера проживания на сцене продуманно приближены к очарованию нашей старой классической эстрады. Все должно радовать «глаз и слух зрителя» — так говорил последний конферансье ушедшего века Борис Сергеевич Брунов, к этому стремимся и мы.

Глава II

Все, что в жизни есть у меня

Я не случайно посвятил первую главу своей книги песням нашего ансамбля. Дело в том, что именно песни стали фундаментом мощного строения, созданного и сохраненного теми, кто исполняет эти песни долгие годы, сделав их достоянием не только российской эстрады, но и отечественного искусства в целом.

Ансамбль «Самоцветы» и добрым именем, и популярностью, и своей долгой жизнью на эстраде, то есть всем, что «в жизни есть у него», целиком обязан песням, с которыми выходили и выходят к зрителям его певцы и музыканты. Мы всегда помним об этом. И даже когда меняется состав исполнителей ансамбля, песни в репертуаре «Самоцветов» остаются. А теперь самое время рассказать о том, как рождался наш коллектив.

Скажу без ложной скромности, что создание ансамбля легкой музыки в советское время — большая сложность. Для реализации такого проекта необходима была суперсовременная звуковая аппаратура, которая на наших фабриках и заводах не производилась. Люди, увлеченные музыкой этого направления, изыскивали самые невероятные пути приобретения инструментов: кто-то делал их сам, другие заказывали у умельцев, зарабатывающих изготовлением самодеятельных гитар и колонок.

Кстати, дело это было скорее наказуемое, чем поощряемое. Стоит вспомнить автора-исполнителя из Екатеринбурга Александра Новикова. Любимый и почитаемый публикой, он в молодости угодил за тюремную решетку именно за изготовление инструментов, которые делал так классно, что отличить их от «заокеанских» было очень трудно. К тому же песни Александра Новикова своей остротой и откровенным вызовом скорее раздражали, чем радовали курирующих искусство Свердловска чиновников.

Я гитары делать не умел, где купить их в Советском Союзе не знал. Поэтому у меня на этот счет были свои конкретные соображения: приобрести инструменты там, где их делают и продают. Кстати, трудности на пути создания ВИА не ограничивались одним техническим оснащением. Только по молодости можно выдержать тот сумасшедший ритм и жизненное напряжение, которые потребовались, чтобы создать ансамбль в то время. И при этом без веры, что все получится, вообще бы ничего не свершилось...

Аппаратура аппаратурой, но самым трудным оказалось собрать и создать команду единомышленников. Сколько же я тогда встреч провел, сколько разговоров «переразговаривал» и сколько песен прослушал! Даже вспомнить страшно: кому-то хотелось петь только на английском и обязательно песни Beatles, кто-то мечтал о репертуаре Rolling Stones; находились, правда, и такие, кто больше всего на свете «уважал» советские песни... У одних были хорошие голоса, у других фактурная внешность, третьи прекрасно владели гитарой, четвертые просто хотели «прыгать» на сцене.

Объединить всех этих людей общей идеей было просто невозможно. Я буквально сходил с ума от безысходности ситуации — я-то мечтал о создании вокально-инструментального ансамбля, а это творчество коллективное.

Шкала трудностей творческого порядка буквально «зашкаливала». Как это ни смешно сейчас звучит, но в 70-е годы артистов, способных одновременно петь, играть на музыкальном инструменте и обладать актерским дарованием, найти было очень трудно. Для тех лет это был так называемый штучный товар.

У нас тогда эстрадного образования как такового просто не существовало. Это потом, не только в ГИТИСе, но и в Гнесинке, и в музыкальном училище имени Октябрьской революции появились эстрадные отделения, готовящие кадры для этого направления в искусстве.

Контроль за нашей творческой деятельностью, довольно серьезный и навязчивый, ощутимо сужал рамки художественных задумок. Дело в том, что в основном выдвигались требования, ограничивающие любые поиски в музыке мира эстрады, на корню пресекались какие-либо фантазии, а также заимствование западных образцов. Я уже не говорю о дилетантском уровне, на котором делались все эти грозные указания: как петь, что играть и как при этом стоять на сцене...

«Контролеров» в те времена насчитывалось чуть ли не больше, чем появившихся на свет ансамблей. На фирме «Мелодия» лютовал художественный совет, на родном ТВ и радио процветала жесткая цензура. Довольно бдительно следили за нашими попытками добиться успеха на базе ВИА сотрудники Министерства культуры и Главного управления культуры Моссовета. Надо сказать, что «Самоцветы» неприятности с кураторами от искусства обошли стороной. Что касается Главка, то там должность нашего куратора занимала выпускница ленинградской консерватории Ольга Михайловна Королькова, которая всегда понимала нас и поддерживала наши творческие прожекты. Благодарю ее за все доброе, что она сделала для нас.

***

Я уже говорил, что название свое мы взяли из текста нашего первого шлягера «Увезу тебя я в тундру» и официально «Самоцветами» объявили себя 15 ноября 1971 года. А до этого мы скрупулезно вели поиски броского названия, даже конкурс объявляли на лучшее имя для нашего ансамбля, и в результате сами этот конкурс и выиграли.

Сейчас, вспоминая былое, и несмотря на все трудности, которые пришлось пережить, очень часто повторяю: «Как

нам было хорошо!». Действительно, зрители сразу полюбили ансамбль, а зрительская любовь — могучая сила! Чиновники на нас не очень «давили», и среди них встречались даже единомышленники. Достаточно вспомнить наших кураторов Сергея Мелика, Володю Ковалева, Лешу Стрельцова. В отношении репертуара у нас тоже неприятностей не происходило. Помню, как однажды Министерству культуры СССР идеологический отдел ЦК КПСС дал серьезную команду пересмотреть репертуар всех музыкальных эстрадных коллективов. Это был довольно суровый и жесткий отсмотр — своего рода переаттестация. Тогда многим коллективам просто запретили выступать. А бывали и такие случаи, когда вокально-инструментальные ансамбли, сами испугавшись препон, объявляли о своем уходе со сцены. Если честно, то я не очень волновался и уж совсем не испугался, даже никаких поправок и корректив в репертуар ансамбля не вносил. Когда собралась комиссия во главе с первым заместителем министра культуры, мы просто

На гастролях в Латинской Америке. 1975 год

исполнили песни из нашего постоянного репертуара. Замечаний и указаний в адрес «Самоцветов» мне как художественному руководителю не поступило.

***

Я уже упоминал, что у нашего ВИА имя появилось не сразу, а вот аппаратура, об этом говорю с гордостью, с первых дней нашего рождения у нас была самая лучшая — японская; тогда, по-моему, единственная в СССР. И приобрел я ее на собственные деньги. Произошло это так. Будучи выпускником московской консерватории, я в 1970 году вошел в состав делегации, выезжающей на выставку «Экспо-70» в Японию. Это была редкая удача. В стране восходящего солнца я проработал около восьми месяцев, в сутки получал по одиннадцать долларов и, худо-бедно, скорее бедно, чем худо, — но сэкономил кое-какие деньги. Экономить, правда, пришлось на всем. Сейчас неловко вспоминать, но я даже подарка своей жене Люсе не привез, уже не говоря о крошечном Димочке.

Мои близкие так ждали моего возвращения в Москву, а я явился через восемь месяцев с пятнадцатью ящиками технических «причиндалов» для своего будущего ансамбля и... все. Гол как сокол. Правда, дома мое явление с неподъемным грузом музыкальной техники восприняли как должное. Люся вообще всегда и все понимала с полуслова. Я очень счастливый человек: мне никогда и ничего не надо было доказывать жене, убеждать ее в чем-то, выдвигать какие-то требования, «размахивать» творческими стягами. Люся в любых моих начинаниях поддерживала меня, и я всегда чувствовал рядом ее надежное плечо.

Так было и тогда, в 70-м году. Все приобретенные мною гитары, микрофоны, комбики, колонки и другая продукция фирмы «Yamaha» были одобрены и приняты Люсей как самый дорогой подарок. Я, конечно, понимаю, что никакой особой радости она при этом не испытывала.

Прошло 9 месяцев и, как полагается нормальному детищу, на свет появилось мое творение — ВИА Юрия Малико-

ва. Наш первая встреча со зрителями состоялась на сцене Зеленого театра сада «Эрмитаж». Это была очень популярная у артистов сцена, а сам театр являлся «старожилом» в артистической Москве: он открылся летом 1921 года. Любопытно, что сначала у этого театра даже крыша отсутствовала, а над сценической площадкой, заменяя крышу, склонялись ветви старых деревьев. Но мы-то вышли на эту сцену через полвека и, конечно, она уже мало чем отличалась от остальных эстрадных площадок Москвы.

Забыть наше первое выступление просто невозможно. Господи, как же я тогда волновался! Это был сборный концерт и, стоя на сцене, я с трепетом наблюдал, как звукорежиссер включает в розетку вилку нашего удлинителя. Мы включились! Мы спели три наши песни! Наконец-то это свершилось! Как теперь сказали бы — мечты сбываются.

Правда, находясь в особом волнительном настроении и в ажиотаже радостных эмоций, я все-таки уловил ухом ка-

В саду «Эрмитаж». 1972 год

кие-то звуковые нестыковки. Готовясь к выступлению, мы много и долго репетировали, и звук меня всегда удовлетворял, а тут... — что-то шло не так.

— Конечно, — говорил я сам себе, — на репетициях все звучало гораздо громче...

Как мы потом выяснили, для нашего вокально-инструментального ансамбля первая встреча со зрителем могла стать последней. У нас тогда повсеместно напряжение было 127 вольт, а я привез из Японии аппаратуру, рассчитанную на 220 вольт. Никто внимания на это, как ни странно, не обратил. Но судьба сжалилась над нами, и трагедии не произошло, хотя мы буквально висели на тонком волоске. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, мне страшно подумать, что мое бесценное приобретение, дорогое в финансовом, а еще более в творческом смысле, могло в одночасье сгореть, погибнуть на моих глазах, и я ничем не мог бы ему помочь. Об этой накладке, к счастью, мы узнали уже после концерта.

На сцене нам и творческого волнения хватило. Я плохо помню, как нас тогда принимали. Больше всего беспокоил-

Юбилейный концерт в саду «Эрмитаж». 2006 год

Юбилейный концерт в саду им. Баумана. 2006 год

ся о том, как ансамбль звучит, и старался, чтобы зрители не заметили, как у меня дрожат коленки. Да и голос, наверное, тоже заметно дрожал. Но мы мужественно исполнили свои песни и ушли под добрые аплодисменты зрителей.

Прошло 35 лет, и осенью 2006 года, готовясь к нашему юбилею, мы в саду «Эрмитаж», на том самом месте, где была сцена Зеленого театра, провели концерт и исполнили знаковые для «Самоцветов» песни, с которыми впервые вышли на суд зрителя в 1971 году. Именно в саду «Эрмитаж», словно возвращаясь на круги своя, мы открыли череду наших юбилейных акций.

Конечно, я опять очень волновался, но это естественно: наверное, любой человек, встречаясь со своей юностью, испытывает волнение. Выступали мы на открытой веранде, крыши над нами не было, как ее не было и над теми, кто радовал зрителя своим искусством в 1921 году. Когда-то те артисты и музыканты были для нас историей эстрады, теперь к ним можно отнести и «Самоцветы». Мы стали первопроходцами нового направления в популярном и массовом жанре эстрады.

На этом концерте присутствовали все солисты нашего вокально-инструментального ансамбля разных лет. Потом мы повторили эту программу в том же составе на эстрадной площадке сада имени Баумана. Нам было так душевно и хорошо всем вместе! Вокруг нас воцарилась какая-то домашняя атмосфера искренности, доброжелательности, сердечности. Я думаю, что творческого доброго заряда от этого концерта нам хватит еще на 35 лет.

***

С первых шагов творческого пути «Самоцветов» я активно противился такому названию созданного мною коллектива, как «группа». Для меня было очень важно в профессиональном и творческом смысле точно определить статус нового коллектива на эстраде.

«Самоцветы» — не группа! Мы — вокально-инструментальный ансамбль. Отстаивал я этот официальный титул «Самоцветов» довольно долго. И не потому, что статус ВИА зарегистрирован в вышестоящих организациях — там как раз не возникало никаких сложностей с этим определением. А конферансье, представляющие нас зрителям на разных площадках, словно сговорились, и все время старались «подать» нас именно как ГРУППУ.

Помню, однажды на концерте перед выходом на сцену подходит ко мне ведущий с вопросом, который уже стал традиционным: «Как мне вас объявлять?». Я отвечаю: «Как вокально-инструментальный ансамбль». Он заверяет меня в полном понимании, выходит на сцену, и я слышу: «Выступает вокально-инструментальный ансамбль — группа «Самоцветы». Что тут скажешь? И так бывало частенько.

Сейчас, к сожалению, даже молодые люди, которые увлекаются эстрадой, просто-напросто не знают, что вокально-инструментальный ансамбль и группа — абсолютно разные понятия. ВИА — это особый жанр. В группе, как правило, всегда есть лидер-солист и три — четыре музыкан-

та. И лидер — главное, что определяет художественную и музыкальную значимость группы. Уходит лидер из группы, и она, как правило, распадается. С приходом нового лидера изменяется «лицо» группы.

Ансамбль — совсем другое дело. Это совместное творчество довольно большого количества людей, солидный музыкальный коллектив, в котором работают, репетируют, попеременно солируют разные музыканты. И если кто-то из них по какой-то причине выбывает из «игры», то приходят новые певцы и музыканты, которые, как артисты в драматическом театре, прочно становятся своими в «труппе» ансамбля, и тот продолжает существовать, как и прежде, только уже с новым творческим составом... А о слове «группа» мы поговорим позже.

На гастролях в городе Иваново. 1982 год

***

Мы на эстраде живем довольно долго, и самое главное, что «Самоцветы», пережив и трудные времена, и радость «ренессанса», не утратили ни чувства современности, ни чувства своей нужности зрителю и жанру. Да, возраст, исчисляемый десятилетиями, для эстрадного коллектива — явление нечастое. В канун 35-летия ансамбля мне не раз приходилось отвечать на вопросы о такой долгой жизни на эстраде. С особым удовольствием делаю это в своей книге, констатируя данное явление как исторический факт.

Прежде всего, спасибо зрителям, их интересу к нашему творчеству, хорошему вкусу и удивительной преданности. Земной поклон им за любовь и верность. Мы же со своей стороны просто «задействовали» и все эти годы «лелеяли» три самых главных компонента: это композитор, который сочиняет мелодию, поэт, способный органично вложить свои стихи, душу и мысли в музыкальное произведение и,

ВИА «Самоцветы». 1983 год

наконец, точное, доверительное исполнение, передача зрителю идей композитора и поэта. Когда все три компонента гармонично сосуществуют, то зритель принимает их душой и разумом. В этом и состоит секрет долголетия нашего ансамбля — мы отвергаем всякое бездумье слов и бессмыслие звуков. Наш зритель все эти годы сосуществует в согласии с нами. Он знает наши песни, поет их, и мы с ним едины в их оценках.

Я глубоко убежден, что в трудные времена нас спасали хорошие песни талантливых композиторов и поэтов, профессиональные аранжировки и, конечно, далеко не последнюю роль сыграло качество и душевность исполнительской манеры участников ансамбля, за что нас и полюбили сразу же зрители. Спасибо им за любовь и веру в нашу творческую состоятельность — это была та самая поддержка, которая помогла нам «БЫТЬ И ЕСТЬ».

***

Я очень долго вынашивал идею создания этой книги, и мне было радостно работать над ней. Когда я ее только задумывал, мне часто задавали вопрос: «А тайны какие-нибудь ты нам раскроешь?» Я бы рад, но только у меня тайн нет, а чужих не знаю, да и не особенно они мне интересны. Честно говоря, очень сомневаюсь, что сейчас вообще какие-то тайны, кроме, разумеется, коммерческих, существуют. У нас же есть телевизионный экран, не говоря об Интернете и желтой прессе, подчас напоминающих замочную скважину, в которую не только любопытной соседке, но всем миром при желании можно наблюдать за интимной жизнью любого известного человека, если, конечно, он этого захочет. А я не хочу!

Книга эта не только обо мне, хотя я, без ложной скромности, понимаю, что страницы жизнеописания того, кто создал ВИА «Самоцветы», то есть мои поиски, ошибки, находки и просто жизнь, неотрывны от ансамбля, а значит, тоже должны найти отражение на страницах книги, войти

в историю. Мне дорого все, что связано с моим детищем, и даже ... предательства.

Готовясь к нашему 35-летию, мы разработали целый ряд мероприятий, посвященных празднованию юбилея «Самоцветов». 9 ноября 2006 года в конференц-зале РИА «Новости» мы провели пресс-конференцию. Вспоминая различные события из жизни нашего коллектива, мы горячо и заинтересованно обсуждали сегодняшнюю жизнь «Самоцветов» и приближающийся юбилей, который планировали отметить на сцене Государственного Кремлевского Дворца большой концертной программой «Вся жизнь впереди». Название, конечно, мы выбрали очень оптимистическое, а программа задумывалась как грандиозное представление, в котором предполагалось задействовать сто звезд эстрады и все известные советские и российские ВИА. На той пресс-конференции я откровенно говорил и о своих волнениях, связанных с реализацией наших фантазий на юбилейную тему, и о тревоге за судьбу российской эстрады в целом, которая меня, человека, отдавшего ей жизнь, просто не может не волновать.

— За прошедшие годы, — сказал я, — в активе нашего вокально-инструментального ансамбля собралось более 500 произведений, но самых известных, любимых и постоянно исполняемых — не больше ста. Считаю это вполне нормальным явлением для действующего вокально-инструментального ансамбля. Многие наши песни никогда не звучали по радио, не показывались в программах ТВ и не были записаны на дисках «Самоцветов». Сегодня с новыми песнями сложно, и мы редко включаем их в свой репертуар. В 90-х годах у нас произошел вынужденный перерыв в творчестве, и сейчас мы ведем большую работу по восстановлению репертуара, то есть тех песен, исполнения которых ждут наши зрители. Я считаю это очень важным — первостепенным — делом. Конечно, не очень радостно об этом говорить, но сейчас другое поколение, другие песни, другие авторы, да и исполнители тоже другие. К сожалению, ныне даже известные композиторы в большинстве своем стремятся угодить вкусам нового поколения, и их песни разительно отличаются по душевности и красоте зву-

чания от тех, что были созданы ими ранее. И при всем уважении к былым заслугам этих маэстро мы вынуждены отказаться от их песен, так как дорожим авторитетом нашего ансамбля, который и ныне живет и процветает.

Юбилейная пресс-конференция прошла очень хорошо. Атмосфера этого собрания порадовала меня добрым и уважительным отношением журналистов разных поколений к ВИА, чья молодость, в общем-то, уже миновала. Знакомя молодых с нашей юностью, мы показали им редкие архивные записи выступлений прошлых лет, в том числе и сделанную в 1972 году запись песни «Если будем мы вдвоем». Эта песня прозвучала на фестивале в Дрездене и вошла в сборник «ВИА мира» наряду с композициями The Beatles и Rolling Stones.

Юбилей знаменателен не только тем, что это встреча с искренними и добрыми друзьями. Это еще и повод вспомнить прожитое и поведать миру много интересного из биографии виновника торжества, рассказать о прекрасном, неизвестном и чарующе забытом... На пресс-конференции мы вспоминали, как в былые времена наш ансамбль вместе с «Го-

ВИА «Самоцветы». 1973 год

лубыми гитарами» за две недели дал 64 концерта, а однажды в воскресенье мы отработали целых 5 сольных выступлений во Дворце спорта города Свердловска. Рекордным мы считаем для себя 1975 год, когда за один месяц дали 124 концерта!

Готовясь к этой пресс-конференции, я еще раз убедился, что судьба ко мне благосклонна, за что я ей сердечно благодарен. Дело в том, что мне удалось обнаружить в архиве наш фильм, снятый в 1973 году, — это ли не подарок свыше! В старину бытовала пословица: «Дорого яичко ко Христову дню». Найди я утерянный фильм годом раньше или позже, просто отметил бы это как свершившийся факт. А то, что он обнаружился именно к юбилею, и мы смогли его показать на пресс-конференции — это уже история «Самоцветов» в кинокадрах и своеобразный документ. В фильм вошли замечательные хиты: «Увезу тебя я в тундру», «Мой адрес — Советский Союз», «Снежинка», «Верба»... Кстати, в «Вербе» прозвучал мой собственный голос. Я, грешный, уже и забыл, что когда-то был вокалистом, а найденный фильм как раз к юбилею и напомнил мне об этом.

С оркестром Ю. Башмета на юбилее Дмитрия Маликова

На пресс-конференции журналистами было задано много вопросов, большая часть которых касалась творчества и демонстрировала профессиональный интерес. Не скрою, меня это очень порадовало: приятно отвечать на серьезные вопросы. Например: «В чем заключается специфическая особенность звучания ВИА «Самоцветы?».

— Когда я создавал ансамбль, мне казалось, что лучше Beatles ничего нет, — объяснил я журналистам. — Потом я приехал в Японию на выставку «Экспо-70», мне посчастливилось попасть на концерт Тома Джонса, и я был очарован его талантом и мастерством. Позднее, когда мы начали сотрудничать с Вячеславом Добрыниным, наши песни удачно «ложились» на джазовые «рваные» партии бас-гитары, а когда в моду вошло диско, где совсем другая партия баса, нам пришлось искать иные музыкальные ходы. Например, в песне «Все, что в жизни есть у меня» звучит оригинальная партия бас-гитары. Поэтому специфической особенностью нашего вокально-инструментального ансамбля является приджазовый акцентированный бас. А на вопрос о том, что такое «фирменный звук «Самоцветов», я отвечаю так: «Как профессионал могу объяснить, что для достижения фирменной мягкости, переливчатости вокала нужно соединить один женский голос и два-три мужских так, будто это единый тембр, и петь нужно в унисон или аккордами с максимальной мягкостью, чтобы ни один голос не выбивался».

Так «на басах» и «переливчатости вокала» мы пропели до появления эпохи «Ласкового мая». Для нас эта эпоха ласковой не стала. Это был период появления массы рок-групп, точнее, «металлической» части этого направления. Я чувствовал, что «металл» вытесняет нас с эстрады. Басистам и барабанщикам надо было меняться, я уже тогда не мог представить себя в роли бас-гитариста. Мне раньше всегда хотелось играть в симфоническом оркестре. Были смелые планы поработать в камерном оркестре, но не случилось. Зато с оркестром Юрием Башмета я сыграл на своем любимом контрабасе. Бережно храню видеозапись этого выступления с Диминого юбилея.

На все эти вопросы я охотно отвечал на памятной предъюбилейной конференции, ставшей для меня своеобразной исторической вехой — путешествием в былое. Видимо, я так зарапортовался, что в какой-то момент перепутал даже век, в котором прошла моя молодость, и вместо 1975 года сказал «тысяча восемьсот...» Эта оговорка очень порадовала и развеселила журналистов, которые бурными аплодисментами приветствовали меня как выходца из исторических времен.

В начале 90-х годов эстрада наша буквально задыхалась от гигантского количества поп-групп, которые, подобно хомякам, размножались с невероятной быстротой. «Самоцветам» в ту пору было чуть больше 20 лет и, честно признаюсь, мне мучительно трудно далось решение о прекращении нашей творческой деятельности. Музыканты зарабатывали кто чем мог — кто-то делал аранжировки, кто-то работал в качестве звукорежиссера, кто-то занялся сольной карьерой. Я понимал: наши песни не актуальны, «Самоцветы» должны покинуть сцену. Меня мучила мысль, что я зря занялся музыкой... Все время возвращаюсь к этим девяностым, не потому, что мне хочется говорить о том времени, нет! Просто не могу не говорить о нем! Это страшно, когда материальные заботы зачастую вытесняют духовную жизнь.

Это начиналось в период перестройки, ВИА были отодвинуты на задний план новыми коллективами, рок-командами. И молодежь пошла за Виктором Цоем, за «Машиной времени», «Аквариумом», «Арией». Это естественно: мы надоели, нас можно было посмотреть и послушать где угодно, а тех никто не видел. Я сам возглавлял комиссию Комитета по культуре Москвы, которая отсматривала новые коллективы и давала им путевку в жизнь. Мы открыли им путь. В конце 80-х стало ясно, что когда твои дети выходят на сцену и имеют успех, надо дать «лыжню». Я сделал все, что мог, мы до последнего участвовали в творческом процессе, но наши выступления перемещались из Дворцов спорта во Дворцы культуры, потом в Дома культуры... Надо было выходить из игры.

И все же мы не канули в небытие. Когда «Самоцветам» исполнилось 25, мы собрались отметить это событие и от-

На родине Владимира Винокура с его родителями в городе Курске

сняли программу, и вдруг ее востребовали на ТВ! Показали в «Золотом шлягере», повторили по заявкам... Так началось возвращение к жизни «старых песен о главном». Оказалось, что раньше в музыке все было не так уж и плохо! Дорожка ВИА, которая прежде была широкой, а теперь сузилась, обязательно ведет к чьему-нибудь сердцу.

***

Наш ансамбль всегда являлся союзом творчества равноправных, но это не значит, что составляющие его люди были лишены лидерских качеств. Сама жизнь доказала абсурдность такого суждения. Сергей Березин создал ансамбль «Пламя», а Юрий Петерсон и Алексей Кондаков позднее — «Пламя 2000». Вячеслава Добрынина представлять в нашей стране никому не надо — его музыку, особенный голос и манеру исполнения знают все. Я горжусь, что этот талантливый человек начинал свою карьеру у нас как

певец и музыкант. Александр Брондман достиг успеха в области бизнеса, Тигран Асламазян — в науке, Виталий Богданов — в банковской сфере и политике.

Могу назвать очень многих, кто шагнул в самостоятельную жизнь на эстраде из лона семьи «Самоцветов». Алексей Глызин и Александр Барыкин, Сергей Беликов и Владимир Кузьмин, Аркадий Хоралов и Владимир Винокур, Анатолий Могилевский и Дмитрий Маликов — все они прошли школу «Самоцветов». И я рад их успехам и доброй памяти уважения к годам, прожитым рядом, хотя мне и жаль, что «не повторяется такое никогда». Но это закон жизни. Отрадно, что, став звездами, бывшие «самоцветы» продолжают общаться и дружить. Думаю, в этом есть и моя заслуга.

Мне ведь было всего 27, когда я стал художественным руководителем ансамбля, человеком, отвечающим за все и за всех. Очень рано пришлось почувствовать себя ответственным за людские судьбы, и я как-то сразу понял, что не имею права по должности, которую занял, быть некомпетентным, необязательным и... нестрогим. Люди, придя ко мне на работу, доверяли мне свои судьбы, а актерские судьбы — это особенные судьбы, да и творческие люди тоже не совсем обычные индивидуумы. Все складывалось очень непросто. Сегодня я даже иногда чуточку завидую легкости и необязательности нынешних продюсеров, случайных людей, занесенных неведомым ветром в этот сложный и удивительный мир, называемый искусством. У большинства из них нет чувства ответственности за судьбу человека, которого они выбрали себе в «звезды»: не один, так другой. Это особая тема, и она требует особого разговора.

Когда-то великая Эдит Пиаф бросила фразу, очень актуальную и сегодня: «Вы думаете, у нас мало молодых людей, умеющих петь песни? Их тысячи! Но дайте мне личность!».

***

С самого начала и музыкальные обозреватели, и критики, говоря о нашем ансамбле, отмечали верно найденную

естественную манеру сценического поведения, интонацию искренности, умение бережно относиться к исполняемому материалу, тонко чувствовать и интересно интерпретировать песни композиторов самых разных школ. С первых шагов на эстраде мы заявили о своей творческой позиции. Это была, есть и остается активная пропаганда лучших песен отечественных авторов и, надо сказать, эта позиция, ставшая традицией нашего коллектива, бережно хранима и почитаема нами все эти годы.

Именно отечественную песню мы сделали главной в нашем репертуаре и представляли ее в Германии, Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, на Кубе, в Алжире, Латинской Америке, став лауреатами многих международных музыкальных фестивалей и конкурсов.

Пресса отмечала необычайную творческую активность «Самоцветов», которые в 1974—1975 годах давали много концертов, гастролируя по Советскому Союзу. Маршрут одной гастрольной поездки иногда включал около тридцати

Юрий Маликов и Елена Преснякова

городов СССР — Киев, Минск, Алма-Ата, Тбилиси, Ростов, Куйбышев, Уфа, Свердловск... Ансамбль выступал на стадионах, во Дворцах спорта, перед аудиторией в 10-15 тысяч зрителей. В Москве знаменитые концерты ВИА «Самоцветы» проходили перед западной трибуной стадиона «Динамо»: при любой погоде и всегда с полным аншлагом — на шоу собиралось по 17 тысяч зрителей.

1975 год — трудная, но этапная веха в моей творческой судьбе. Именно тогда состоялся «раскол коллектива». Со

мной остались Александр Брондман и Евгений Курбаков, а также только что пришедший к нам в ансамбль Владимир Винокур — это из творческого состава, а вот постановочная группа осталась целиком. Предательски ушедшие исполнители во главе с Сергеем Березиным и непонятно на кого обиженным Николаем Раппопортом (Михайловым) создали свой коллектив и назвали его «Пламя».

Тогда я совершил то, что не могу объяснить до сих пор: за 20 дней я не только набрал новых исполнителей, но и подготовил с ними новую концертную программу практически с новым репертуаром! Я не случайно три раза в этой фразе употребил слово «новое». В этом и было все дело: фактически оказавшись в цейтноте, проделал в 1975 году снова ту же работу, что и в 1970—71 годах, только в более короткий срок. Да, это было необычайно трудно, но я это сделал и горжусь этим. Не вижу смысла в обсуждении сейчас деталей и причин, приведших к «разлому» «Самоцветов». Очевидно, у нас оказались разные взгляды на творческие перспективы, на жизнь, предназначение на российской эстраде... К сожалению, в истории «Самоцветов» раскол коллектива имел место, и никуда от этого не денешься, как бы ни хотелось предать этот печальный факт забвению.

В конце 1975 года в новый состав «Самоцветов» вошли барабанщик В.Полонский, гитарист В. Хабазин из ансамбля «Веселые ребята», из «Москонцерта» — трубач В. Беседин, а из ансамбля «Ты, я и песня» — пианист и аранжировщик В. Кретюк. Именно в это время в «Самоцветах» появились Е. Кобзева-Преснякова и В. Пресняков, говоря о котором, мы сейчас добавляем приставку «старший», в те годы он был моложе нынешнего «младшего».

Основой репертуара «Самоцветов» всегда являлись песни советских композиторов, но это не значит, что мы игнорировали произведения более крупных форм. С успехом в нашей программе исполнялась композиция, созданная на основе песен народов СССР. Она занимала 13 минут сценического времени, а это немало. Другая композиция «Сны» звучала почти 20 минут.

Для участия в культурной программе «Олимпиады-80» мы подготовили композицию на темы русских народных песен. В нее вошли «Ой, мороз, мороз...», «Эй, ухнем», «Коробейники», «Вечерний звон», «Степь да степь кругом!» и другие песни. Не могу не вспомнить программу «Семь чудес света», которую с полным правом можно назвать интернациональной. Когда мы ее готовили, то ставили перед собой две главные задачи: языком песни рассказать о семи чудесах света и рассказать так, чтобы зрители любой страны мира поняли нас без переводчика.

Мне всегда хотелось создать на базе нашего ансамбля что-то масштабное, музыкально сложное, со своим сюжетом и драматургией. И таким крупным театральным музыкальным действом в нашем репертуаре стала вокально-инструментальная композиция «Франциско Гойя». Музыку к этой постановке написал В. Пресняков.

Сценическое действие было выстроено в форме рассказа старого художника о своей жизни — его воспоминания о друзьях, творческих исканиях, победах и страданиях. В драматургическую канву органично вплетались музыкальные эпизоды: танцы, вокальные дуэты, сольное пение. В музыке мы активно использовали узнаваемые интонации испанских народных мелодий, а все происходящее на сцене шло на фоне полотен, созданных великим художником. Технически эта работа выполнялась путем демонстрации слайдов, воспроизводящих репродукции картин Франциско Гойя.

Но, пожалуй, самой знаменательной и масштабной в области театрализации стала работа над музыкальным спектаклем «Игра в волшебный тир», постановку которого мы с Владимиром Пресняковым и известным эстрадным режиссером Григорием Кантором осуществили в 1985 году на сцене Театра Эстрады на Берсеневской набережной. Только там этот спектакль прошел почти 100 раз.

«Игра в волшебный тир» — один из первых опытов создания музыкального спектакля на базе ВИА. Синтез приемов вокально-инструментального ансамбля с театрализацией символизировал появление на эстраде новой сценической формы. В этой постановке стремление к активной

театрализации проявилось еще отчетливее, чем в спектакле «Франциско Гойя». К плюсам этой работы критики отнесли сохранение исполнительских традиций — лирический распев под пульсирующий ритм и органическое актерское поведение в сценическом проживании действа.

Пресса тогда очень внимательно отнеслась к нашей работе, и в разных изданиях активно цитировался мой ответ на вопрос: «Что стоит за названием спектакля?». Я отвечал так: «На сцене у нас — тир. Правда, не обычный, а волшебный. Мишенью здесь являются мечты, и главное — это попасть в цель. Мы призываем зрителя выбрать свою цель и достичь ее. А мы помогаем в этом музыкой и песней. Цель всех людей — сберечь мир, и поэтому наша главная песня называется «Земля — это мир». Это и есть основная мысль спектакля».

В спектакле помимо моей музыки с Владимиром Пресняковым на стихи Бориса Пургалина и Бориса Салибова звучало много известных песен советских композиторов. Были заняты певец и бас-гитарист Сергей Беликов, ударник Владимир Полонский, известный саксофонист-импровизатор, лауреат международных джазовых фестивалей Владимир Пресняков, наши замечательные солисты-вокалисты Елена Кобзева, Олег Слепцов, Александр Нефедов, Андрей Сапунов и другие.

Репетиции и премьерные показы спектакля «Игра в волшебный тир», с которым мы потом побывали во многих городах страны и за рубежом, проходили на сцене Московского государственного театра Эстрады, художественным руководителем которого в те времена был народный артист РФ Борис Брунов. Его незабвенной памяти низко кланяются многие нынешние звезды, которых он вывел впервые на эстраду и дал им возможность реализовать свой творческий дар.

Но не только о молодых «болел» душой великий мастер конферанса. Именно он возвратил на эстрадные подмостки ушедших в небытие замечательных актеров, которые, «войдя в возраст», могли еще многое сделать на эстраде. И для нас, его коллег, и для зрителей, как и прежде, оставались любимыми и желанными исполнители Т. Кравцова, Н. Дорда, Н. Щукин, Н. Никитский, Р. Романов. Для них,

чьей-то недоброй волей отлученных от эстрады, Б. С.Брунов придумал программу «Татьяна, помнишь дни золотые». И этой работой на законных основаниях утвердил ретро-стиль на современной эстраде, а заслуженным мастерам жанра вернул статус звезд и их родную сцену — Театр Эстрады. Созданный правительством Москвы в трудные послевоенные времена как лаборатория взращивания будущего российской эстрады, театр на Берсеневской набережной стал родным домом для многих поколений артистов, отдавших жизнь этому направлению в искусстве.

Ансамбль «Самоцветы» Брунов не только любил, он высоко ценил наше стремление к поискам и преданность отечественной музыке. В Театре Эстрады мы были свои, и сегодня, вспоминая эту работу, ставшую этапной для «Самоцветов», я через годы вновь и вновь шлю свою благодарность Б.С. Брунову и его команде высокопрофессиональных редакторов, умеющих понимать, беречь артистов и помогать им.

У ВИА есть своя специфика, она и определила интерес зрителей к этому направлению в музыке: людей привлекает

Фрагмент из спектакля «Волшебный тир». 1985 год

Людмила Вьюнкова и Олег Слепцов

исполнение ансамбля, а не отдельных солистов. Это не значит, что я стремлюсь обесценить дарование исполнителей. Но ансамбль — это особая ценность! Те, кто хотел делать сольную карьеру, естественно, потом уходили: их не устраивало, что в ВИА исполнители несколько обезличены.

Еще раз повторяю: исполнитель со своей манерой, обаянием и голосом в судьбе песни решает многое. Еще Марк Бернес говорил, что без поэта, композитора и исполнителя нет песни. Сейчас могу к этому перечислению добавить аранжировщика. В свое время, имея некий каркас песни, мы делали аранжировку, которую потом дорабатывали на концерте. Теперь музыканты работают по-другому: они делают запись, а потом с готовой фонограммой выступают на концерте. Сейчас вообще все по-другому. Я иногда испытываю острое чувство ностальгии по тому, что ушло. Мне думается, что и время тогда было добрее, и люди, и песни, и музыка. Наверное, это издержки возраста. Я помню, как мы вкалывали! Если в день

состоялось два выступления — этот день считался выходным. Тогда была эпоха массового увлечения песнями ВИА. Стадионы и Дворцы спорта просто ломились от зрителей. Но разве можно говорить об усталости, если тебе ежедневно подпевали несколько тысяч человек?

Напряженный график удавалось выдержать благодаря строгой дисциплине. На автобус разрешалось опаздывать только на пять минут. Тогда, по молодости, я считал такую строгость правомерной, сейчас думаю иначе. Наверное все-таки с творческими людьми надо было вести себя помягче, поделикатнее... Хотя наши же музыканты, уйдя из «Самоцветов» и став руководителями коллективов, говорили, что на своем опыте поняли: требования, возмущавшие их строгостью, были единственно правильным решением, направленным на сохранение дисциплины. А Анатолий Могилевский, уехав в США продолжать свою музыкальную карьеру, говорил мне, что там требования шоу-бизнеса в сто раз жестче и круче.

От природы я человек добрый и с юного возраста стремился с уважением относиться к другим людям. Знаю, что криком, стремлением обижать, унижать людей ничего не добьешься. Да, тебя будут бояться, но разве это надо? Я мечтал о союзе единомышленников, хотел, чтобы рядом были талантливые, красивые, трудолюбивые и доверяющие мне как художественному руководителю люди. Мне казалось, что иногда удавалось создать такой союз.

В «Самоцветах» всегда понимали, что когда речь идет о профессии, об исполнительском и художественном мастерстве — это совсем другое дело: это ра-бо-та! Творческая работа. И требования здесь удесятеряются. Эстетика, культура, воспитание — неотъемлемые составляющие понятия «творческая деятельность». Это труд, а труд музыканта и вокалиста — особый труд и особая ответственность.

Глава III

О себе и о тех, кому обязан счастьем быть в этом мире...

Я знал, о чем буду писать в этой главе, но почему-то прежде чем начать ее, долго сидел над чистым листом... Перед глазами проходили картины моего детства, юности, я слышал родные голоса своих близких и видел их любимые лица. Господи, как же они мне дороги и нужны, хотя многие из них уже и не досягаемы для нас, живущих на земле. Верю, что когда-нибудь мы снова будем вместе. И эта вера дает мне силы пережить многие утраты и потери, хотя иногда сердце буквально разрывается от боли... Порой с трудом заставляешь сдержать крик отчаяния от невозможности вернуть былую радость общения с дорогими людьми, вернуть чувство легкости и уверенности в том, что все еще впереди...

— Смешной человек, — говорю я себе в таких ситуациях, — если «все еще впереди», зачем с такой тоской ты вспоминаешь все, что «за спиной»? А может... как это у Константина Симонова: «Кто-нибудь услышит, вспомнит и напишет, кто-нибудь помянет нас с тобой...». Может, кто-нибудь и верит, что его «помянут», а вот я решил все сам рассказать о своей жизни и сам «помянуть» тех, кто дал мне эту жизнь.

Мои родители, мама Раиса Ивановна Герасимова и папа Федор Михайлович Маликов, познакомились и пожени-

С родителями

Папа, бабушка и прабабушка

лись в июне 1941 года. Мама моя осиротела в 1939 году и жила с бабушкой и тетей в Ростовской области на хуторе Чеботовка, а мой отец жил по соседству, их разделяли всего семь километров. Папа работал в милиции участковым. Ему было 26 лет, когда он познакомился со своей будущей женой, моей мамой. Она к этому времени окончила педагогическое училище и преподавала в начальных классах местной школы.

Как только началась война, отец тут же ушел на фронт. Но волею случая осенью 42-го, когда, отступая, наша армия продвигалась в направлении Сталинграда, ее путь проходил через наш хутор Чеботовку. И, конечно же, танк отца затормозил у дома, где жила его жена. Отец был не просто танкистом, а командиром танка, и взял на себя ответственность, не спрашивая ни у кого разрешения, побыть какое-то время с любимой. Так что после Господа Бога он был первым, кто решил вопрос моего появления на этой земле.

Итак, я родился в родной Чеботовке 6 июля 1943 года. Когда уже взрослым человеком я смотрел фильм

С.А. Герасимова «Тихий Дон», у меня возникло ощущение раздвоенности. Да, я сидел в зале среди зрителей и в то же время жил, ходил, действовал и воевал вместе с героями фильма, с теми, кто был на экране. Казалось, я знал каждый клочок земли, каждое дерево, слышал родной говор, да и сам говорил так, как герои картины. И песни, и обычаи, и манера поведения — это все было мое. Я вырос среди этих людей, и я такой же, как они...

Донское казачество для меня — не просто сочетание звучных слов, это сфера моего человеческого взросления и формирования. Хутор Чеботовка не так уж далек от Вешенской станицы, где, как известно, снимался «Тихий Дон». Так что теперь, если я захочу снова вернуться в детство или показать родные места внукам, я пойду с ними вновь смотреть фильм Сергея Герасимова по роману Михаила Шолохова и снова по-детски буду счастлив и по-взрослому горд тем, что этот фильм снят на моей родной земле.

***

Иногда мне кажется, что человеческое сознание в соединении с актерской фантазией — необъяснимое в своих «крутых виражах» и непредсказуемости явление. Моя память хранит многое. Конечно, мама рассказывала, что, когда она меня ждала, бабы убежали с хутора и прятались в балке от немцев, которые вошли в Чеботовку. Но никаких подробностей этих драматических событий она мне не поведала. А я однажды, вспоминая мамин рассказ, вдруг, как в кино, увидел голую степь, где совсем не было деревьев, выжженную траву и трепещущий ковыль, который полоскал ветер. Мне казалось, я слышу эти жуткие, пугающие до потери сознания выстрелы и вижу женщин, прячущихся в оврагах в поисках спасения и защиты, которую могла им дать только она — их родная земля.

И еще я отчетливо помню церковь и батюшку, который жил рядом с нами. Запечатлелись в моей детской памяти и те страшные дома, в которых мы обитали. Они были не

из камня, и не из дерева, а сложены из кирпичей, которые лепили из смеси глины, песка, соломы, навоза, кизяков... Полы в таких домах, как правило, земляные, и их почему-то посыпали скошенной травой... Но стоило выйти из дома, как тебя окружала завораживающая красота: смородина, вишня, груши, яблоки, цвела акация, чарующе пахла сирень. Но вся эта красота находилась за пределами дома, радовала глаз только в теплое время года, зимой же даже животных — козу, куриц, индюшек — прятали от холода в пристройке, которая являлась частью жилого дома.

Мне повезло: мой отец вернулся с войны домой живым и здоровым. Я всегда гордился тем, что папа — танкист, что он награжден тремя орденами Красной Звезды, медалями «За Отвагу» и «За оборону Сталинграда». Даже сейчас, когда я называю его награды, испытываю удивительное чувство своей сопричастности к Великой Победе. Это мой Отец добывал ее для своего народа, для нашего будущего.

Я вырос в семье человека, свято хранившего Честь, Верность и Преданность Родине, и это не могло не сказаться на моем воспитании и формировании гражданского сознания.

После окончания войны отец еще довольно долго продолжал оставаться военным. Он тогда служил в Калининграде, и мы с мамой в 1948 году переехали к нему. Там же, в этом же 48-м родилась моя сестра Женя. После демобилизации отца на семейном совете остро встал вопрос о возвращении в Ростовскую область. Мне-то этого очень хотелось, я об этом только мечтал. Дело в том, что я каждый год проводил три летних месяца в Чеботовке, где жили любимые тети, дяди, бабушки, дедушки и, конечно, друзья... море друзей...

Мама тоже не возражала против Чеботовки. В школе, где она преподавала, ее очень уважали и ценили, у нее там было много друзей, не говоря уже о родственниках, с которыми ей очень хотелось жить рядом. Надо сказать, что родственников у нас всегда было много, отношения между нами складывались самые добрые, самые теплые. Не могу припомнить каких-нибудь ссор, выяснений отношений,

отчуждения друг от друга. Такое взаимоуважение, конечно, позитивно сказывалось на характерах и взрослых, и детей.

Став взрослым человеком, семьянином, да еще руководителем коллектива, я подсознательно, сколько себя помню, все время стремился к воссозданию той комфортной для существования в этой нелегкой жизни атмосферы, которая сформировала меня в детстве, юности; помогала оставаться человеком, понимающим других людей, оказавшихся в очень сложных житейских ситуациях. Такая открытость, доброжелательность характерна для нашего семейного клана. Как говорится, один за всех и все за одного. Поэтому не было ничего удивительного в том, что папина сестра, которая со своей семьей жила в Чехове недалеко от столицы, предложила отцу вместе с нами поселиться у нее с перспективой дальнейшего обустройства в Подмосковье.

Итак, в 1954 году наша семья приехала в Чехов на постоянное место жительства. В Чехове я пошел в 4-й класс.

Папа, мама, бабушка и сестра

Учился хорошо. Мне нравилось ходить в школу, получать новые знания, читать книги. Кстати, мама в то время работала в библиотеке, поэтому новые книжные поступления не проходили мимо меня. Работу библиотекаря мама совмещала с педагогической деятельностью, а отец трудился в жилищно-коммунальном хозяйстве, он был начальником ЖЭКа.

Жили мы тогда в коммуналке. На четверых у нас была 18-метровая комната. Но родители не горевали по поводу тесноты. Люди деятельные, они посоветовались между собой и с родственниками и решили строить дом!

Мои юношеские интересы не ограничивались учебой и запойным чтением книг. И хотя я до определенного времени не думал стать профессиональным музыкантом, но увлекся музыкой еще в школьные годы. В нашей семье все тяготели к музыке. Папа хорошо пел, играл на баяне, гармошке. С войны он привез единственную ценную вещь —

Федор Михайлович и Раиса Ивановна Маликовы

аккордеон «Хонер». Сейчас это наша семейная реликвия, а тогда этот «Хонер» являлся первым дорогим и малоизвестным в России инструментом, который я увидел и который стал собственностью нашей семьи. Учил играть меня на аккордеоне дядя Яша, папин брат. Он-то замечательно играл, его мастерство и приемы, которыми он со мной поделился, сделали свое доброе дело. Я почувствовал «вкус» музыки, желание играть и стал самым активным участником школьной самодеятельности. Больше того, в чеховской школе № 2 мы создали музыкальный коллектив — два аккордеона и концертино. В таком составе мы с огромным успехом выступали на всех школьных вечерах и городских смотрах.

Однажды произошло то, что действительно, как поется в нашей песне, «не повторяется такое никогда»... Как-то к нам в Чехов приехали артисты Московской эстрады, и Борис Сергеевич Брунов попросил, чтобы наше трио аккомпанировало ему во время исполнения куплетов. Мы очень гордились выпавшей на нашу долю удачей: своим выступлением вместе с Бруновым, уже тогда известным и всеми любимым конферансье. Мне потом довелось очень много работать с Борисом Сергеевичем, и мы с ним часто вспоминали тот концерт в Чехове. Со свойственной ему добротой он говорил о мальчишках-музыкантах с аккордеонами, которые не побоялись выйти с ним на одну сцену и стать для него достойными «коллегами» в выступлении.

У каждого своя альма-матер. У меня это Чеботовка. Именно здесь я впервые услышал казачьи песни. А это особенные песни, в которых важное место занимает голосоведение: кто-то басит, кто-то вторит, поют несколько человек, а звучит это все как что-то крепкое, единое... Еще я помню, как в Чеботовке праздновали Пасху. Конечно, в те времена власти совсем не приветствовали праздник Светлого Воскресения Христова, но в Чеботовке донские казаки в поощрении властей и не нуждались. Теперь даже самое высокое начальство выстаивает службу в Храме в канун Воскресного Дня, а раньше праздник этот отмечали без шума и многоголосья, просто в семье, не выставляясь на показ. Но все равно он был очень силен, этот дух святости, веры, желания

добра друг другу — я хорошо помню ту светлую душевную атмосферу и то особое пасхальное веселье с куличами, яйцами и поцелуями: «Христос Воскрес! — Воистину Воскрес».

О Чеботовке я могу говорить часами, мне даже не надо напрягаться, чтобы что-то вспомнить, хотя я там не был уже почти 48 лет. Память сама переносит меня в те времена, и я вижу все, что там происходило, глазами хуторского парня, который больше всего на свете любил своих родных и свою Чеботовку.

***

Наверное, первый толчок к пониманию того, что такое лицедейство, дало мне знакомство с колядками и играми ряженых. Это началось в Чеботовке, а потом в Калининграде на сцене Дома офицеров я увидел цирковой коллектив, и больше всего на свете мне захотелось стать клоуном. И долго думал: как осуществить свою мечту?

С кинематографом я познакомился позднее. Мне было уже 10 лет, когда я впервые пришел в кинотеатр. Увиденное кинодейство на экране меня ошеломило, удивило, потрясло, но как назывался фильм, который я смотрел, — не помню. Видимо, так растворился в ощущении чуда, что не смог удержать в памяти смысл происходящего. Все впечатления ушли в ощущения... А название первого спектакля, который увидел на сцене Калининградского театра, я запомнил: это был «Каменный цветок» по сказу П.Бажова.

Я — счастливый человек, меня всегда окружало много родственников. И всех их я помню... бабушку, прабабушку Арину, тетю моей мамы, которая заменила мне родную бабушку, умершую перед войной. Я уже упоминал, что мама была сиротой, Мария Алексеевна приходилась ей тетей и вырастила маму как родную дочь, а потом — и меня тоже. Хорошо помню папиных родителей Матрену Федотьевну и Михаила Никифоровича — они прожили долгую и хорошую жизнь. Это — линия Маликовых, а у мамы в роду Ковалевы и Назаровы, а сама она по девичьей фамилии Герасимова. Такая у меня родословная.

В родной Чеботовке жителей обитало немного, тысячи полторы от силы. Все очень бережно относились к сохранению обычаев и нравов своих семейных кланов. В моей памяти запечатлелось много запахов вкусной еды времен детства. Помню деревья: тополь, акации, вишни, груши, яблоки, сливы... У плодов был какой-то совсем другой вкус, чем сейчас. Я помню, как цвела степь, и вкус степного меда, топленого молока и свежевыпеченного пшеничного хлеба...

А с водой были большие проблемы. В основном воду давала река, но зимой она замерзала, а потом пересыхала. Чтобы полить огород, воду таскали из колодцев, которые почему-то все находились очень далеко.

Я уже говорил, что дома в Чеботовке строили из блоков, замешанных на навозе. Причем, замешивался этот «особый» состав ногами — не было ни другого стройматериала, ни техники. А покрывали дома соломой или камышами. Не надо забывать, что время-то было трудное, послевоенное. Страна воскресала буквально из руин... Мы, которые пережили вместе со страной это время, никогда не забудем забот, тревог и трудностей тех дней. Мы — дети войны, свидетели возрождения страны из пепла, дети своей Родины. Мы пережили многое — и горбачевскую перестройку тоже...

С родителями

Бабушка Матрена Федотьевна

И сегодня именно мы чувствуем великую ответственность за все, что происходит в нашей стране. И, кланяясь «великим тем годам», свято чтим память тех, кто не вернулся домой к своим близким.

***

Жили тогда все одинаково, без затей. Никакого понятия об «элите» в нашей деревне не существовало. Все считались одинаково богатыми, если имели корову, поросенка, кур и индюшек. Корову разрешалось иметь одну, а вот на лошадь был положен запрет: в частных хозяйствах лошадей не держали, лошади были только колхозные.

Иногда у нас случался в семье приработок: мы с тетей Маней ездили на рынок в Ворошиловоград. Я был очень горд тем, что мне доверялось сопровождать ее и охранять от всех бед. Это я так себе «напридумал». Ведь она везла на рынок товар на продажу, а это была ценность: два десятка яиц да кусок сала, пропитанный солью.

Мы себя чувствовали очень богатыми людьми, когда нам удавалось это продать, других материальных доходов у нас не имелось. Денежные знаки в руки тети Мани попадали только тогда, когда она на рынке продавала что-то домашнее. А так в деревне расплачивались за работу трудоднями — заработали 200-300 трудодней — получили на них зерно или муку и крупу, подсолнечное масло, сахар. И все выдавалось в очень ограниченных количествах. Впритык. Питались же люди в основном тем, что производили сами. Никогда не забуду мой восторг, когда я впервые на Пасху увидел крашеные яйца. Конечно, я знал, что есть куриные яйца, просто не думал, что они бывают крашеные и что это так красиво.

Новый год в семье мы встречали без елки. Елки в нашей местности не растут, поэтому на праздник привозили только одну большую елку в школу.

Чудеса техники — телевизор и магнитофон — я впервые увидел в 1954 году, когда мы переехали в город Чехов. Помню, что магнитофон «Днепр», большой и красивый, со множеством кнопок, произвел на меня, четырнадцатилет-

Юрий Маликов «на картошке». 1957 год

него парнишку, неизгладимое впечатление. Магнитофон «Днепр» стал на какое-то время моей самой заветной мечтой.

Когда из Калининграда мы перебирались в Чехов, то заехали в Москву и первое, куда меня повел отец, — конечно, Красная площадь и Мавзолей. В юности в Мавзолее мне довелось побывать дважды. Один раз — у Ленина, а второй — у Ленина и Сталина. А когда я уже учился в техникуме, то приезжал в Москву один, без отца. И даже однажды побывал на демонстрации, видел на трибуне Н.С. Хрущева.

В техникум я поступил после 7-го класса, куда меня приняли без экзаменов, так как школу окончил с отличием. Мой выбор Подольского индустриального техникума определялся просто — его довольно близким географическим расположением от Москвы и от Чехова.

Три месяца я проучился на факультете контрольно-измерительных приборов, а потом это отделение закрыли, и мне предложили перейти на отделение взрывников. Окончил я техникум по специальности «взрывник». Официально в моем дипломе значится такое определение профессии: «специалист по открытой разработке угольных и нерудных месторождений».

В техникуме я учился четыре года, и все это время очень серьезно занимался не столько будущей профессией, сколько музыкой. Сначала я играл в народном оркестре, потом перешел в духовой. Однажды пошел на танцы, это было, когда я учился на первом курсе, и там услышал замечательную песню — «Тишина». До сих пор сердце сладко замирает, когда слышу:

«Ночью мне покоя не дает
Горькая моя вина...
По ночному городу бредет
Ти-ши-на».

Господи, почему сейчас таких песен не пишут? Они же становятся «моментами» жизни, и зачастую — решающими... А уж помнятся такие песни всю жизнь. Конечно, для

Юрий Маликов с друзьями в колхозе. 1958 год

Перед репетицией эстрадного оркестра в г. Подольске. 1959 год

В годы учебы в Подольском индустриальном техникуме. 1960 год

меня эта встреча с «Тишиной», которая исполнялась в виртуозном сопровождении аккордеона, стала событием. И надо же было мне в эти дни попасть в кино на «Серенаду солнечной долины»! Как там играет оркестр! С этих двух зафиксированных моей памятью эпизодов и началось настоящее увлечение музыкой, я стал завсегдатаем танцев, но не танцевать или кадрить девчонок ходил туда. Я стремился на встречу с оркестром. Это было для меня время творческих открытий. В кино и на сцене я впервые увидел контрабас! Я влюбился в него! Заболел этим инструментом!

Как я страдал, что в нашем студенческом оркестре отсутствовал контрабас... у нас просто не было материальных возможностей для приобретения такого дорогого инструмента. И как был счастлив, когда руководство техникума все-таки изыскало возможность купить контрабас. Это произошло на втором году моего пребывания в техникуме, а, главное — в нашем самодеятельном оркестре.

Я ждал, как влюбленный ждет невесту, встречи со своей мечтой — контрабасом! Сейчас это звучит смешно, но тогда я находился в какой-то необъяснимой, непередаваемой эйфории. А как я готовился к поездке в Москву, к этой встрече с ним в магазине, как я бережно погладил тогда все его четыре струны! Я был счастлив по-настоящему, когда смог дотронуться рукой до контрабаса.

И вот контрабас прибыл под крышу техникума. Все чудесно, только как играть на нем — никто не знал. Я мотался, как заведенный, в поисках специалиста, и уже отчаялся найти его, как вдруг мне сказали, что в Подольске в вечерней музыкальной школе якобы есть человек, имеющий навыки игры на контрабасе. Я рванул в эту школу, нашел педагога, и все бы хорошо... Только контрабаса в той школе не было, и учить ему меня было не на чем. Я кинулся к своим. Видя мою одержимость и великое рвение, руководство техникума выдало мне под расписку бесценный контрабас, и я перевез его «на руках» в вечернюю музыкальную школу. К контрабасу, как оказалось, нужен был смычок, и я помчался в Москву, где в музыкальном магазине на Неглинке приобрел его. Теперь можно было начинать занятия, и мой

педагог стал учить меня, как держать смычок и извлекать при его помощи звуки.

С появлением контрабаса мой жизненный график очень уплотнился: днем я занимался в техникуме, а вечером с великой радостью бежал в музыкальную школу. Там я впервые узнал, что есть такая дисциплина, как сольфеджио. К сожалению, не помню имя моего первого педагога по сольфеджио. Это была очень спокойная и приятная женщина, она жила в Москве и оттуда ездила на занятия в Подольск. Я знал, что ее муж играл на кларнете в оркестре Вероники Дударовой. Однажды этот оркестр приехал в Подольск, где у него было два выступления в парке. Конечно, я побывал на этих концертах, и когда после первого (кстати, вход был бесплатный) все зрители разошлись, а их было человек триста, я остался. Мне очень не хотелось уходить, не хотелось прощаться с той радостью, что мне дарила музыка... И я оттягивал, оттягивал момент разлуки с миром, жить вне которого уже не мог.

Ко мне подошел один очень симпатичный человек и спросил: «Как тебе наше выступление?». Выслушав мои восторженные отзывы, он сказал: «Вот что, ты приходи завтра, а после концерта мы с тобой подробно поговорим».

На следующий день мы встретились с Володей Михалевым — так представился мой новый знакомец — и пошли в кафе, перекусили, даже четвертинку заказали. Я рассказал ему, что учусь и в техникуме, и в музыкальной школе, и что мечтаю стать музыкантом. Когда расставались, он дал мне номер своего московского телефона. Володя музыкальное образование получил в училище им. Ипполитова-Иванова, и он мне очень советовал перевестись в Московскую музыкальную школу, потому что оттуда было больше шансов поступить в музыкальное училище.

Я серьезно задумался над его советом, сам уже в это время мечтал поступить в Гнесинское училище и, будучи в Москве, побывал на улице Воровского, где находилась школа Гнесинки, даже подал заявление о приеме на учебу.

В тот раз я Володю в Москве не застал, меня встретила и очень хорошо приняла его бабушка, которой он много обо мне рассказывал. Через неделю я опять приехал

в Москву и встретился с Володей. Он познакомил меня с мамой, своей семьей — у него уже дочка училась в музыкальной школе по классу скрипки. Думаю, что мою судьбу во многом решило доброе отношение людей, с которыми я встречался на жизненном пути. Вот приехал парень из Подольска, его накормили, напоили, обласкали, приютили, а когда я уезжал, Володина бабушка сказала мне: «Ты, Юра, заходи к нам на обед, когда захочешь». Разве можно такое забыть? Или разве можно не хотеть по цепочке продолжить добро, которым одарили тебя в юности? Я был тогда совсем юным, но мысли эти уже прочно поселились в моем сознании: какие же это хорошие люди, что меня, чужого им паренька, согрели своим вниманием. Ходил по московским улицам, заглядывал в московские окна и тихонько напевал:

«Я любуюсь Вами по ночам...
Я желаю, окна, счастья вам...»

И еще думал: неужели и я когда-нибудь буду здесь жить, и у меня будут свои московские окна, и я тоже буду кому-нибудь помогать в этом городе и в этой жизни.

Глава IV

О тех, кого люблю

Одно время в Москве существовала биржа труда, точнее сказать, биржи. На одной из них собирались актеры периферийных театров, там они договаривались с режиссерами, директорами и получали приглашение на работу в разные города — Орел, Липецк и другие. А еще одна биржа являлась местом встречи музыкантов, которые договаривались играть на танцах. Володя Михалев посоветовал мне сходить на биржу и объяснил, как туда доехать. Это была в то время реальная возможность найти работу.

В обнимку с контрабасом я помчался по указанному адресу, и буквально через несколько минут ко мне подошли музыканты, тоже с инструментами, и задали всего два коротких вопроса: «Свободен? «Опавшие листья» сыграешь?». «Сыграю», — ответил я, не веря в свою удачу. «Все! Поехали!». И я отправился с ними и с контрабасом на танцы. И заработал первые деньги.

Сейчас я думаю: как же мы тогда верили друг другу, не опасались ничьей агрессии, не ждали подвохов. Наверное, сегодня 18-летний парень с дорогим инструментом просто испугается предложения взрослых «дядек» неизвестно куда

ехать и играть «Опавшие листья». А тогда я запросто «катал» с музыкантами на танцы и получал за игру в оркестре по тем временам большие деньги — 10 рублей, но и работать приходилось по 6—7 часов. От долгой игры на контрабасе все пальцы «украшали» мозоли. Но я был счастлив...

Однажды мы с Володей Михалевым гуляли по Москве и зашли в шашлычную на улице Герцена. Тогда я впервые попробовал цыпленка-табака... Мы с ним хорошо посидели, даже выпили, и он уехал домой. А я побрел по улице Герцена и дошел до памятника Петру Ильичу Чайковскому. Так состоялась моя первая встреча с консерваторией и памятником. Боже, какой прекрасной, полной открытий, встреч, неожиданностей являлась моя жизнь в молодости! Как я сегодня рад этому, потому что это и был тот светлый и чистый ручеек, который стал большой и по-прежнему светлой рекой.

Конечно, когда-нибудь я обязательно оказался бы у здания консерватории, но как здорово, что это произошло именно тогда, в тот замечательный вечер. Из открытых окон неслись божественные звуки, какие-то особенные люди с музыкальными футлярами шли мимо меня в это прекрасное и не досягаемое для меня здание, и... я заплакал, сознавая, что мне никогда в жизни не доведется учиться в его стенах. И вдруг я отчетливо осознал свою главную цель и мечту в жизни — стать студентом консерватории.

Я стал ездить на улицу Герцена каждый месяц. Приезжал и стоял, слушал, дышал, жил атмосферой консерваторского мира.

***

А между тем судьба продолжала преподносить мне сюрпризы. В 1961 году я, окончив с красным дипломом техникум, подал документы в Московский институт геодезии и картографии. Экзамены там начинались 1 августа. И надо же было такому случиться, что именно в этот момент меня пригласили в оркестр, который аккомпанировал известному в то время певцу Эмилю Горовцу. До этого я уже имел опыт работы в оркестрах нескольких ресторанов и

Выступление в составе эстрадного оркестра

кинотеатров, и все благодаря тому, что, учась в вечерней музыкальной школе и в техникуме, все время «крутился» со своим контрабасом на бирже, где и получал работу.

Конечно, постоянно жить в таком ритме «степа» напряженно и нелегко. Очень осложняло мою жизнь, создавало дополнительные трудности отсутствие московского жилья. Я все время курсировал из общежития в Подольске (опять-таки не один, а с контрабасом) в столицу и обратно. Мои родители, люди с ангельским характером, очень за меня переживали, но с советами не лезли. Хотя мама мечтала, чтобы я стал инженером, а отец вообще был согласен на любую «настоящую» профессию. А мне хотелось только играть в оркестре.

Дирижировал оркестром, куда меня пригласили, Левон Мерабов, уже тогда прославившийся на всю страну выступлением вместе с певицей из Англии Джерри Скотт. Мерабов очень много работал в кинотеатрах, в те времена перед сеансами зрителей всегда ждал небольшой концерт, и, надо сказать, там выступали очень неплохие певицы и певцы.

С Левоном Мерабовым меня познакомил Володя Михалев, а через какое-то время я узнал, что оркестру Валентина Воронинского, который играл в гостинице «Советская», нужен контрабасист. Пришел туда, со мной поговорили и... приняли. Я потом полгода играл в оркестре Воронинского и еще подрабатывал в кинотеатре «Метрополь». Там в оркестре было четыре саксофона, ударник, контрабас, две трубы, два тромбона и выступала певица, коронным номером которой была популярная песня Андрея Эшпая «А снег идет...» Помню, приходилось играть перед пятью или шестью сеансами. Вот это была школа!

Мне посчастливилось с самого начала: я общался с очень талантливыми людьми, хорошими музыкантами — Миха-

левым, Мерабовым, Воронинским, Смагиным! Это Богом отмеченные педагоги, и то, что я состоялся, — их заслуга.

Мне интересно было работать с разными оркестрами, я чувствовал, что у меня что-то получается, но все время хотелось изведать нового... Мечтал о сольной карьере и безумно хотел играть джаз. Когда волею судьбы мне повезло, и я попал в команду музыкантов-импровизаторов Германа Лукьянова, Игоря Высоцкого, Владимира Журавского, то просто был счастлив.

В 1961 году мы приняли участие в первом Московском джазовом фестивале и стали его лауреатами. В это же время меня пригласили работать в «Москонцерт» в качестве аккомпаниатора певцу на профессиональной эстраде. Мне выдали удостоверение, подтверждающее мою должность артиста оркестра «Москонцерта», и установили оклад в 156 рублей. Итак, в 61-м году мне было 18 лет, я уже имел определенный статус на эстраде и большой оклад — это стало для меня свершением чуда, хорошим стартом в высокое

Выступление симфонического оркестра

искусство. С тех пор прошло более 40 лет, а я не перестаю удивляться щедрости судьбы, обласкавшей меня на пороге большой творческой жизни.

Отъезд на первые гастроли с оркестром «Москонцерта» назначили на 1 августа, и в этот же день по иронии судьбы начинались экзамены в институте геодезии, куда я подал документы. Немного помучившись, я сделал свой выбор: уехал на гастроли на Украину, куда мы повезли еврейскую программу Эмиля Горовца «Мы с вами где-то встречались».

Проработав почти год, я понял, что мне необходимо продолжить образование, в первую очередь, музыкальное. Опять же спасибо Володе Михалеву, что он привел меня в училище им. Ипполитова-Иванова к своему педагогу М.С. Фокину, создавшему свою «школу» игры на контрабасе. Михаил Семенович, будучи выдающимся музыкантом и педагогом, сам играл в оркестре Большого театра. Он был очень строг к ученикам, но я, видно, ему понравился. Фокин внимательно отнесся к моим «музыкальным желаниям» и высказал резюме: «Ты много хочешь, но еще ничего не умеешь. Но то, что ты уже сегодня можешь предъявить, вселяет надежду, что у тебя все получится». Я так боялся, что Михаил Семенович мне откажет, что пока он говорил, у меня даже спина взмокла от волнения. А когда он сказал, что верит в мои музыкальные возможности, мне показалось, что у меня крылья выросли, и мне захотелось взлететь!

Полученное в техникуме образование позволяло зачислить меня сразу на второй курс училища по общеобразовательным предметам, а по специальности — на первый курс. Но возникли новые сложности: на дворе стоял сентябрь и все зачисления уже завершились. И опять на помощь пришел мой друг Володя Михалев. Буквально взяв меня за руку, он привел меня к директору училища Елене Константиновне Гидевановой — она к нему очень хорошо относилась, а он ее просто обожал. Войдя ходатаем в кабинет Елены Константиновны, Володя сразу стал перед ней на колени и произнес пламенную речь. Для меня все это стало полной неожиданностью, я растерял-

ся... Помню только, как Володя сказал: «Елена Константиновна, пожалуйста, зачислите его, он очень одаренный музыкант, и, я уверяю вас, вы еще будете гордиться тем, что он ваш ученик. Он прославит наше училище». Шел 1962-й год, и ни Пугачевой, ни Зыкиной среди студентов «ипполитовки» не значилось.

В результате все мытарства по оформлению закончились, и я был зачислен на первый курс музыкального училища (по специальности) и на второй курс — по общеобразовательным предметам. Я стал усердно «пилить» контрабас под руководством Михаила Семеновича по 6—7 часов в день. Чтобы не тратить время на переезды, я стал жить у своего друга Толи Герасимова, у которого была удивительно добрая и дружная семья. Я целый год обитал у Герасимовых в их двухкомнатной квартире на Краснопрудной улице, в доме № 1 — доме Министерства путей сообщения. Отец Толи Герасимова (ныне покойный) был генералом, заместителем министра путей сообщения. С Толей, который младше меня на год, мы очень дружили. Он стал всемирно знаменитым джазовым музыкантом. Вообще, я счастливый человек, у меня с друзьями всегда складывались уважительные и надежные отношения.

В 1962 году я познакомился с Мишей Ковалевским и Аликом Тартаковским, и мы вскоре объединились в концертное трио — фортепиано, ударник и контрабас. Очень много интересного и яркого подарила мне встреча с Юрием Саульским, который помог нашему трио сделать записи нескольких пьес на радио, а это уже были сложные профессиональные работы.

Но вот мне стукнуло 19 лет, и наступило время, когда меня, как и всех здоровых парней, должны были призвать на службу в армию. И чтобы решить этот вопрос, я пошел на очередной вираж «судьбоустройства» и отдал документы в автомеханический институт — там была военная кафедра, что давало право на освобождение от армии. По времени у меня все отлично распределилось: в училище Ипполитова-Иванова я занимался вечером, днем должен был посещать лекции в институте, а все остальное время, которое

я выкраивал бы из учебы, планировал целиком отдавать деятельности артиста оркестра Мосэстрады.

Итак, в 19 лет я имел в кармане три удостоверения своей личности. Надо сказать, что все эти разнообразные ипостаси прекрасно уживались в моей повседневной жизни. Но вот беда: с первого курса студенты автомеханического института проходили практику на заводе, тем более, что я являлся студентом дневного отделения. На практику меня отправили в литейный цех завода им. Лихачева, и это был самый грязный на производстве цех. Обидеться на судьбу я не успел, потому что, опять-таки, меня спасла музыка. На бирже я неоднократно встречался с очень милым парнем, его звали Фима, фамилии его, к сожалению, не помню. Оказалось, что этот Фима на нашем заводе руководит художественной самодеятельностью. Он очень быстро перевел меня чертежником в конструкторское бюро, и я получил четвертое удостоверение, подтверждающее, что я сотрудник завода им.Лихачева. Неделю я работал на заводе, неделю учился. Платили мне за работу 30 рублей. Главной моей трудовой обязанностью, конечно, являлось участие в концертах художественной самодеятельности. Так продолжалось два года. Вымотала меня эта «карусель» до невозможности. Выхода не было, бросишь институт — пойдешь в армию, бросишь училище — это же моя жизнь! А перестанешь выступать — умрешь с голодухи. Что делать, я не знал.

В это время в моей судьбе произошли очень серьезные перемены: я стал студентом Московской консерватории. А дело было так... В консерваторском симфоническом оркестре произошло ЧП. Один музыкант остался в Японии, а контрабасист, который одновременно являлся и концертмейстером, стал жертвой несчастного случая. Словом, осталось в консерваторском симфоническом оркестре только три контрабаса, и срочно требовался музыкант и концертмейстер группы контрабасистов.

Руководитель коллектива Михаил Никифорович Тэриан был одновременно дирижером и руководителем оркестрового класса и в училище, и в консерватории. И как-то после одной из репетиций он сказал: «Юра, наверное, тебе

придется переходить в консерваторию, и ты будешь играть в нашем оркестре». Я, конечно, очень обрадовался этой перспективе, но не мог поверить в реальность такого везения. Декан оркестрового факультета Гайдамович особенно не возражала, она просто сказала: «А как мы можем его взять в оркестр, если он не студент консерватории?». Тогда Тэриан твердо заявил: «Он будет нашим студентом! В училище у него сданы все предметы кроме специальности. А ее он сдаст».

В общем, забрал я из училища документы и принес их в консерваторию. Там собрали комиссию, я очень средненько сыграл «специальность», и Михаил Никифорович Тэриан зачислил меня студентом консерватории. Кстати, автоматически этим зачислением я получил отсрочку от армии. Это был конец 1964 года. Незабываемое время! Кафедрой виолончели и контрабаса заведовал гениальный Ростропович, ректором был Свешников, мой класс контрабаса вел профессор Андрей Иванович Астахов, он тоже играл в оркестре Большого театра... Учился я с Гришей Ковалевским, который сейчас является директором «Виртуозов Москвы».

Думал ли я в 1958 году, плача у памятника П.И. Чайковскому и горько переживая, что никогда не стану студентом консерватории, что через несколько лет сбудутся мои самые смелые мечтания. Сейчас, когда звучат слова песни «Не надо печалиться, вся жизнь впереди... Надейся и жди», я верю, я знаю, что если действительно чего-то хочешь, то так и будет.

1964 год стал своеобразным итогом всего, чего мне удалось добиться. Закончилось время определения и становления — началась эра развития и утверждения. Когда родился мой сын Дима, я сразу одну из главных целей своей жизни определил так: «Чтобы у него все было вовремя». В 17—18 лет, когда поступают в консерваторию, у ребят совсем другая психология, и это упрощает решение постоянно возникающих проблем. А мне тогда шел 22-й год, и, рассматривая ситуацию с позиции взрослого человека, я, естественно, ее усложнял.

Втянувшись в ритм московской жизни, я стал реже ездить к родителям — один или два раза в три месяца.

С 1962 года я был по собственному желанию по горло загружен работой, учебой, реализацией различных проектов и вырваться из этой круговерти просто не мог. Вспоминая те времена, я чувствую вину перед родителями за свое поведение и бесконечно благодарен им за терпение и благородство. Никогда мама и отец не высказывали недовольства или каких-то требований по отношению ко мне. Они просто любили своего сына и принимали его таким, каким он был. Родители гордились моими успехами, моей востребованностью в столице и испытывали огромное уважение к моим творческим занятиям.

С возрастом начинаешь мудрее и серьезнее относиться к своему прошлому и к людям, которые дали тебе жизнь. Меня с детства окружали добрые и думающие люди. Я не

Луи Амстронг

помню в своей семье криков, скандалов. У нас разговаривали негромкими голосами, детей не обижали. Много читали — как я уже говорил, мама почти 20 лет проработала библиотекарем, она приносила домой книжные новинки и обязательно «Роман-газету». Но не могу сказать, что я очень начитанный человек, нет, к сожалению. Раньше я читал только то, что полагалось знать по программе. С возрастом полюбил Ф.М. Достоевского за глубину проникновения и понимания душевных человеческих страданий. Детективы, которые сегодня заполонили книжные прилавки, я не люблю, фантастику тоже, а мемуарная литература, исторические книги, книги о Великой Отечественной войне — это мое, то, что «питает» меня в жизни.

Люблю читать книги о музыкантах и музыке, особенно о джазе. Беседы о джазе, о котором могу говорить часами, — это «генетика моего сердца». Когда-то я очень любил передачу «Голос Америки», потому что она ассоциировалась с голосом Эллы Фитцджеральд и Луи Амстронга.

Конечно, доброта и тактичность родителей определила и мой характер. С детства я читал и слушал, что хотел, главное, никто не навязывал мне своей воли.

В церковь мои родители не ходили, они были атеистами, как и большинство людей того времени. Но никакого отрицания православной веры никогда не высказывали. Веру и верующих они уважали. Сейчас-то я понимаю, что такая позиция в отношении религии была выбрана отцом и мамой неспроста. За веру тогда карали, а у них не было ни сил, ни времени бороться и доказывать свое право на свободу выбора... Во всем их поведении, образе мыслей чувствовалась культура и вера в душе, что Бог есть, но внешне они не проявляли свою набожность, не желая вступать в дебаты на столь запретную тему. Для них вера в Бога проявлялась в порядочности, справедливости и совести творимого на земле.

Жили они очень скромно, и хотя Подмосковье — это практически город, они оставались по образу своей жизни селянами: участок в шесть соток, небольшой домик, сарайчик. Зато на участке все сказочно хорошо: таких слив и вишен я не ел больше никогда, а какая у них была картошка!

Помидорчики! Они даже разводили кроликов. Жили они в городе Чехове на улице Береговой, в доме, который строили мы с отцом. Для меня во всем огромном мире это самый дорогой и светлый дом — там дух моих родителей и там живет моя сестра Женя. Два раза в год я обязательно езжу в Чехов и подолгу сижу на кладбище, мысленно отчитываясь перед родителями за все, что сделал. Я люблю и помню их, благодарю за все добро и чистоту, которые они мне подарили, за то, что на собственном примере научили меня быть человеком. Сижу на их могилке и вспоминаю, как они встречали меня, как радовались каждому моему приезду. Отец выращивал в Чехове виноград, и у него всегда было необыкновенно вкусное домашнее вино, а какую картошечку с лучком и сальцем подавала на стол мама! Все годы их жизни наш дом был настоящим семейным очагом.

Когда родители переехали из Калининграда в Подмосковье, они перевезли туда из Чеботовки бабушку Аришу и тетю Маню — это мамины родичи. Бабушка Ариша, когда ей исполнилось 90 лет, запросилась назад в Чеботовку, там и умерла. Тетя Маня после этого вернулась в Чехов, а в 1976 году ее тоже не стало. Моя мама умерла в 72 года, отец пережил ее всего на год. 50 лет они были рядом, и ему, конечно, без нее на земле приходилось очень трудно, у них же все всегда было на двоих — и радости, и горести.

А как они широко, с душой отмечали четыре официальных праздника: день Октябрьской революции, 1 Мая, 8 Марта и День танкиста. Новый год особых эмоций у них не вызывал, а дни рождения почему-то они не отмечали. Тогда к праздникам многие относились совсем иначе, чем сейчас. Это как в песне: «Сегодня не личное главное, а сводка рабочего дня...». Я ведь недаром с такой болью вспоминаю «черные» девяностые. Мамы не стало в 93-м, отца в 94-м, еще раньше распался Советский Союз, а для моих родителей страшнее беды не было, разве только Великая Отечественная война.

Отец тогда очень горячился, он даже кричал, что редко с ним случалось: «Это не та демократия, что нужна людям. Мы жизнь отдавали, мы воевали не за демократию, а за

советскую власть, за союз нерушимый республик свободных...» Отец очень верил в советскую власть и считал, что, хотя и есть перегибы, от которых он и сам пострадал, но основные социальные позиции народ может считать защищенными. Пенсию тогда родители получали по 132 рубля, да еще у отца была надбавка, так что они не нуждались.

Однажды, когда я начал выступать с «Самоцветами», я приехал в Чехов. По этому поводу собралась вся наша родня. Приехал без подарков, но с пачкой денег, и когда мы посидели, поели-попили, я решил всех порадовать и стал раздавать по 25 рублей. Они были такие довольные! В моей пачке оказалось 500 рублей, и я все их раздал, но, если честно, лучше было подарки привезти — рубли-то им не на что было тратить, они у них имелись, только купить было нечего. По тем временам мои родители считались обеспеченными людьми. У них даже машина была — «Москвич», и на своих сотках они построили гараж. Я им активно помогал в этом строительстве.

***

В консерваторском оркестре мне довелось встретиться, учиться в одной группе и играть с музыкантами, которые позднее стали гордостью нашего искусства. В группе, помимо занятий струнников, а я струнник, проходило еще обучение игре с оркестром и владению малыми формами — трио, квартет, секстет... Мне по учебной программе довелось играть в секстете, где первой скрипкой был Олег Каган, второй — Григорий Жилин, а на виолончели играла Виктория Яглинг. Все они стали выдающимися музыкантами, отмеченными многими званиями и наградами. А тогда я вместе с ними исполнял «Секстет» М. Глинки — виртуозное камерное произведение. Это был наш выпускной концерт, и все мы получили «пятерки» и подписи в дипломах величайших музыкантов XX века — Ростроповича и Свешникова.

Забыть это время сбывшихся мечтаний невозможно! Два раза в неделю в Большом зале консерватории я выходил на сцену в составе нашего симфонического оркестра.

Один раз в неделю в Малом зале консерватории выступал камерный оркестр, где я один играл на контрабасе (а в симфоническом оркестре нас, контрабасистов, было шестеро). Памятью я очень часто возвращаюсь к тому времени и благодарю судьбу, подарившую мне возможность жить, работать, учиться и общаться с людьми, ставшими легендами. И все это в мире музыки, добра и красоты — именно так я оцениваю атмосферу великого храма музыки — Московской консерватории тех лет. А какие прекрасные музыканты учились одновременно со мной! В. Спиваков, В. Ланцман, В. Кастельский — он был чуть старше нас и занимался в аспирантуре. Это великая личность, настоящая энциклопедия, он так много всего знал! Я про себя его называл феноменальной библиотекой и феноменальной фонотекой. В последние годы работы В. Кастельский являлся деканом фортепьянного факультета — это самый высокий пост в области фортепьянной музыки. Человек, выросший в атмосфере эстрадного искусства (его мама работала

Подготовка к свадьбе. 1966 год

в Мосэстраде и была известной эстрадной танцовщицей), он беззаветно любил и хорошо знал джазовую музыку, хотя всю свою жизнь посвятил музыкальной педагогике и был верен классическому искусству.

Как я уже говорил, мне очень хотелось, чтобы мой сын стал музыкантом и получил образование в консерватории. Дима родился в 1970 году, а я уже думал о том, как он пойдет учиться в музыкальную школу, потом в училище при консерватории и, наконец, окончит консерваторию. Почему-то я был уверен, что мой сын обязательно будет рожден «с музыкой в крови» как Сирано «с солнцем в крови»... Так и случилось. Дмитрий Маликов окончил консерваторию с красным дипломом. Для него так же, как и для меня, консерватория и все, что с ней связано, свято. Мы вместе с ним создали Благотворительный фонд и учредили «Грант-стипендию» им. Кастельского, которая присуждается раз в год

Московская консерватория

студенту третьего курса, проявившего себя на творческом поприще. Наше с Димой предложение нашло отклик у руководства консерватории, эту идею поддержали знаменитые музыканты-профессора. И будущие наши звезды получат возможность хотя бы чуть-чуть улучшить свою жизнь, ведь стипендия в несколько сот рублей, которую студент получает, не может обеспечить ему нормальное существование. Так будем же добры к тем, кто придет на сцену после нас, и кто сегодня, обладая молодостью и талантом, делает все, чтобы стать профессионалом.

Я помню, как помогали мне и сколько доброго сделали люди, с которыми случайно сводила меня судьба. Разве могу я забыть Володю Михалева? Рассказ о нем лейтмотивом проходит через все мои воспоминания. Если бы не встреча с ним в подольском парке и не его участие в моей жизни, неизвестно, как сложилась бы моя судьба. Он был рядом весь первый период моей жизни. Потом Володя перешел в военный оркестр Академии им.Фрунзе, там он дослужился до военной пенсии. Я счастлив, что мне удалось оказаться ему полезным. Выйдя на пенсию, Володя стал нашим администратором, потом работал с Димой, был заместителем директора его коллектива. Он ездил на гастроли, обеспечивал рекламу и вообще вел активный образ жизни. Его уже нет с нами и, отдавая дань памяти моему другу Володе Михалеву, я низко кланяюсь ему и храню безмерную благодарность как музыканту и человеку. Никогда не забуду того доброго и светлого, что он сделал для меня.

Учеба в консерватории не только сформировала меня как музыканта-профессионала. Это был период насыщения культурой, той культурой, которая способствует созданию личности. Музеи Москвы, библиотеки, концертные залы, театры — все это стало составной частью моей каждодневной жизни. В это время я побывал на многих интересных концертах, кстати, ходил туда по студенческому билету. Я видел совсем рядом Святослава Рихтера, Эмиля Гилельса, Давида Ойстраха, Арама Хачатуряна. Мог бы дотронуться до самого Дмитрия Шостаковича! Теперь это кажется сказкой, что они ходили по улицам, бывали в консервато-

рии, общались со студентами. И без всякой охраны! Сейчас какую-нибудь «звезду», которую никто кроме ее мамы не знает, обязательно охраняют два — три шкафообразных парня, а тогда Шостакович в одиночку шел по коридорам консерватории.

Спасибо тебе, консерватория, ты дала мне возможность увидеть, прочувствовать то, что называют великим искусством. Я часами сидел на репетициях оркестра Евгения Светланова. Это и была Высшая школа. По-моему, в «Москонцерте» я являлся единственным бас-гитаристом и контрабасистом, получившим консерваторское образование. И за это я себе ставлю «пять».

Мне было очень тяжело расставаться с консерваторией, но, получив диплом, я должен был начинать достойную ее выпускника самостоятельную жизнь. Конечно, мне очень хотелось чего-то большого, интересного и самостоятельного. Только инструмент, на котором я играл, не позволял мне рассчитывать на роль лидера. В нашей стране это был аккомпанирующий инструмент. Солировать имели право только Эдди Рознер, у него была труба, Александр Цфасман — аккордеон и рояль, Борис Матвеев — ударные.

Еще учась в консерватории, я вступил в жилищный кооператив. Принял меня туда Вано Мурадели, он тогда был председателем Московского отделения Союза ком-

позиторов. Мы с Люсей переехали в дом композиторов на Преображенке, и это была наша первая собственная квартира в Москве. В этом доме мы соседствовали с очень известными людьми — В. Данченко, Л. Исакадзе, Л. Мондрус, Э. Беляевой, В. Крайневым, А. Лукиновским и другими.

Из этого самого дома в 1970 году я уехал на выставку «Экспо-70» в Японию на целых восемь месяцев, оставив в новой квартире Люсю и крошечного Димочку. Конечно, это поездка решила многое в моей творческой судьбе. Я как аккомпанирующий музыкант был не очень доволен отведенной мне в оркестре ролью, и, видимо, эта неудовлетворенность подстегивала меня и сподвигла на достижение ощутимых результатов. Контрабасом я владел в совершенстве, так что в группу, уезжающую в Японию, попал не случайно. Перед поездкой я уже получал предложения очень заманчивого характера: меня приглашали в оркестр Большого театра, но идти в оркестр даже ГАБТа мне не хотелось. Я жаждал сценической деятельности, мечтал творить на сцене, смотреть со сцены в зал, и мой возраст тогда позволял надеяться на реализацию даже самых фантастических идей. А тут еще я попадаю в Японию и... «заболеваю» поп-музыкой.

Я пишу эту книгу для того, чтобы вспомнить, что было, посетовать, что не все задуманное удалось, немножко себя похвалить, чуточку поругать, вспомнить тех, кого нет, и сказать спасибо тем, кто рядом. Мне хочется как летописцу собрать воедино разрозненные страницы всей моей жизненной и творческой истории. Конечно, где-то я повторяюсь, но книга пишется не за один присест, и память возвращает к тому, что стало главным в жизни. Я уже не молод, возраст и сделанное позволяют мне быть категоричным в каких-то оценках, хвалить достойное на мой взгляд и не принимать многое из того, что сегодня случайные люди в искусстве пытаются выдать за настоящее и главное. Я бы никогда не осмелился взяться за создание книги раньше, скажем, пятнадцать лет назад, хотя все, о чем мне хочется рассказать, происходило в основ-

ном до 1990-го года, но в начале 90-х годов вспоминать о 70-х было просто неприлично.

***

В середине 90-х годов произошло одно событие, которое я могу назвать этапным в своей судьбе. Связано это событие с футболом и командой «Старко». Я тогда автоматически был включен в эту команду и отбыл в ее составе в город Саратов, куда нас пригласило руководство области и мэрии. В мероприятии была задействована сборная команда правительства Саратова и наша команда артистов. В футбол я немного играю, бегать с мячом люблю, но понимал, что и возраст не тот, и тренировки нет. Зато я оказался очень нужным там, где другим было делать нечего: я мог постоять у ворот, подавать мячи, побегать чуть-чуть тоже мог. После футбола возник традиционный вопрос — где звезды эстрады? Меня прямо в лоб спросили: «А ты зачем здесь, если твоих «Самоцветов» рядом нет?». В 94-м году «Самоцве-

Благотворительный матч на стадионе «Локомотив»

тов» действительно уже не было. Действие происходило 12 июня — в национальный праздник России. Юра Давыдов мне говорит: «Слушай, а давай в финале что-нибудь споем, у тебя диск есть?». Диск, конечно же, у меня имелся, и мне, честно, было невдомек, что записанная на этом диске песня «Мой адрес — Советский Союз» прозвучит так, как надо. В результате мы сели с Юрой и друзьями в машину и дали несколько кругов вокруг стадиона, открывая рот под звучание знаменитого шлягера. Кругом кричали «ура» и подпевали дружно, как никогда. Меня это удивило. Я-то думал, что нас забыли и песни «Самоцветов» уже никому не нужны, а тут такое! Мне даже в голову не могло прийти, что наш ансамбль может возродиться. Тогда ведь не только нас не стало на эстраде — почти не пела Валентина Толкунова, не слышно было «Песняров», а «Голубые гитары» и «Веселые ребята» просто перестали существовать. Тогда я и подумал: «А вдруг еще все может вернуться, и мы снова, как прежде, станем востребованными?».

Через какое-то время мы той же дружной командой поехали в Германию, и там, в огромном зале Дюссельдорфа, где билеты продавались по 100 марок, в финале концерта исполнили «Мой адрес — Советский Союз» — спели песню вместе с залом! Тут все сомнения и неуверенность в нужности моего «дела» исчезли, растворились в реакции зрительного зала. Я понял: «Все еще впереди... надейся и жди».

Кстати, и мысль о написании книги сформулировалась тогда очень четко. Да, книга должна быть написана, в ней найдет отражение история «Самоцветов» и лучших песен, исполненных ансамблем. Что такое «Самоцветы»? Это не конкретное слово, а очень широкое емкое понятие. Когда я называл этим именем созданный мною коллектив, то размышлял так: это будет не конкретное собственное имя чего-то или кого-то одного. Самоцветы — это камни, сверкающие разными гранями, что-то очень светлое, что должно дарить людям радость, добро, веселье, грусть, одним словом, — создавать настроение. И все это рождается от песен — у нас даже песня одна называлась «Самоцветы»:

«В нашей жизни песни —
Мира добрый вестник,
Пусть же станут добрыми сердца».

Эта песня и стала своеобразной характеристикой, лейтмотивом «Самоцветов».

Уже во второй половине 90-х годов репертуар нашего ансамбля начал звучать в другом исполнении. Например, песню «Увезу тебя я в тундру» выбрал для своих ребят Бари Алибасов.

В мае 1995 года меня пригласили принять участие в передаче «Золотой шлягер», которая была посвящена Поладу Бюль-Бюль оглы, кстати, мы с ним когда-то вместе учились в консерватории. И вдруг Наталья Шиманкова, редактор «Золотого шлягера» (в прошлом она была солисткой ВИА «Поющие сердца», так что не чужой нам человек), предложила мне собрать музыкантов из «Самоцветов» и попробовать сыграть.

На творческой встрече со зрителями. 1980 год

Я обзвонил всех наших артистов и тех, кто с нами когда-то работал: от Льва Лещенко до Светланы Моргуновой. Была отснята 40-минутная передача, которую потом показали по Первому каналу ТВ. Самое удивительное, что это передача имела эффект разорвавшейся бомбы. Редакцию завалили письмами, и в один голос все зрители требовали: повторить! Это стало толчком к возрождению «Самоцветов», и с 1996 года мы обрели вторую молодость вопреки нашей песне «Не повторяется такое никогда!». Оказалось, что нас ждали и мы нужны. Это здорово!

Так что наш 25-летний юбилей стал своеобразным предвестником возрождения интереса к старым песням, которые говорили «о главном». И тут я окончательно понял, что поторопился с прощанием со своим ВИА. Никто не хотел с нами расставаться: мы были приглашены на юбилейные мероприятия комсомола, БАМа, стали участниками возвращения к человеческим и духовным ценностям, формирующим личность при любом строе.

И мне очень захотелось высказаться по этому вопросу и другим волнующим меня проблемам, вспомнить людей и песни — этот великий союз голоса, музыки, вдохновения и мысли. Именно союз — потому что мы, «самоцветы» — единое целое, и все, что сделали, мы сделали вместе.

***

В 1973 году мы принимали участие в международном фестивале, который проходил в Германии. Представлять искусство своей страны на таком престижном форуме было делом чести и вызывало законную гордость. В Берлине нас встречали огромные толпы народа с приветственными лозунгами и транспарантами. Естественно, встречали не только нас, а всех участников фестиваля, но чувствовать себя одним из них было очень приятно. Мы просто «купались» в океане всеобщей любви.

Но эйфория восторга постепенно начала ослабевать под тяжестью нечеловеческой усталости от бешеного

ритма, предложенного устроителями фестиваля. На мой взгляд, организаторы, составляя график выступлений, просто не учитывали возможности человеческого организма.

В день мы давали по несколько концертов, переезжали с места на место со скоростью реактивного самолета. Иногда за целый день ребятам не удавалось ни поесть, ни даже попить. Я не шучу — смотреть на них было просто страшно: бледные, измученные. В их глазах читалось одно желание — рухнуть, отключившись от шума, гама, разноголосья и собственного участия в этом хаосе звуков.

В таком состоянии после пяти многочасовых концертов без перерыва «на обед», мы однажды поздно вечером добрались до гостиницы. Ребята разбрелись кто куда, а я побежал в штаб узнать расписание на завтра. Надо сказать, что фестивальное веселье и ночью не затихало. Музыка, песни и радость били ключом на улицах города круглые сутки. Ничего удивитель-

Благодарность

ВИА "Самоцветы"

Международный оргкомитет "Комсомол-90"
выражает Вам благодарность
за Вашу верность комсомольским традициям,
уважение к славной истории Ленинского комсомола
и искреннее отношение к комсомольскому братству.
Спасибо Вам за активную помощь
и личное участие в организации мероприятий,
посвященных 90-летию ВЛКСМ.

ЦК ВЛКСМ

Сопредседатели Международного оргкомитета

"Комсомол - 90"

/Е.М. Тяжельников/ /Б.Н. Пастухов/ /В.М. Мишин/ /И.Д. Кобзон/ /Л.И. Швецова/

ного не было в том, что в штабе я получил новое задание: быстренько грузиться в автобус и сопровождать И.Д. Кобзона на его концерт, где по случаю отъезда «Песняров» аккомпанировать ему должны были «Самоцветы».

Представитель ЦК ВЛКСМ Л.И. Матвеев был возмущен моим отказом от этой поездки, хотя я приводил очень убедительные аргументы: Кобзон и «Самоцветы» всегда выступают живьем, при всем уважении к артисту музыканты без репетиций не могут сопровождать его выступление. Это во-первых. Во-вторых, ребята сегодня 12 часов уже отыграли перед зрителями и физически не могут выйти на сцену. В-третьих, я просто не знаю, где их искать. И.Д. Кобзон на меня тогда обиделся, хотя позднее понял и «простил». А представитель комсомольской власти сразу вычеркнул нас из списка претендентов на звание лауреатов Ленинского комсомола.

«Самоцветы» все равно получили это очень уважаемое по тем временам звание, но это уже другая история. В 2003 году на одном торжественном мероприятии, которое отмечалось на сцене ГЦКЗ «Россия», я встретился сразу с пятью первыми секретарями, возглавлявшими ЦК ВЛКСМ в разное время: Е.М. Тяжельниковым, Б.Н. Пастуховым, В.В. Мишиным, В.И. Мироненко, В.М. Зюкиным. Все они тепло и хорошо говорили об ансамбле «Самоцветы», отмечая наши творческие заслуги и активное участие в общественно значимых акциях, проводимых в разное время ЦК ВЛКСМ. А когда я рассказал о том, как нас лишили заслуженного звания, то каждый из них «обеими руками» проголосовал за присвоение «Самоцветам» права называться лауреатом премии Ленинского комсомола и поставил свой автограф. Сейчас это звание никому не дают, и для нового поколения оно, я думаю, ничего не значит. Но для нас это высокая и уважаемая награда. И я горд тем, что И.Д.Кобзон пригласил нас как лауреатов премии Ленинского комсомола участвовать в концертной программе, посвященной 90-летию комсомола, которая состоялась в конце октября 2008 года.

***

Память то и дело возвращает меня в былые годы. Кажется, что-то происходило совсем недавно, а оглянешься и понимаешь, что прошло больше полвека. В 60-х, например, мы получали информацию в основном через радио. Конечно, нам хорошо было знакомо звучание гитары, которая особенно близка русскому человеку. Россия всегда славилась гитаристами, да еще какими! Но в «западной» подаче, с использованием техники, гитару мы услышали только по радио. Это была «электрическая гитара» с совершенно новым для нас звуком. В музыкальном мире возникли тогда такие музыкальные явления, как The Beatles, Rolling Stones, Пресли и т.д. Спустя какое-то время у нас появились «Поющие гитары», «Голубые гитары», «Веселые ребята». Все они искали свой путь в искусстве — «Верасы», «Ариэль», «Сябры»... Песня и гитара объединились и вышли на эстраде в лидеры.

В это время на афишах появились анонсы новых концертов-дивертисментов. Сегодня это определение «подачи» программ забыто, как и другое определение «сборный концерт». Теперь почти все на эстраде преподносится как шоу, даже сольный концерт популярного исполнителя в афише обозначается как шоу такого-то и или такой-то. А тогда, в дни моей молодости, я очень много был занят в «сборниках». Обычно Михаил Гаркави, остроумный и веселый конферансье, объявлял наше трио так: «Эстрадный оркестр после сокращения штатов в Москонцерте». И на сцену выходил наш маленький инструментальный ансамбль — трио. Концерты у нас проходили ежедневно — то в летних парках, то в Театре Эстрады, то в Колонном зале или где-то в библиотеке... Объемы помещения значения не имели — лишь бы стоял рояль. Зачастую мы с концертами выезжали в областные филармонии. Наше трио выступало с замечательными, очень известными и любимыми в те времена актерами: Львом Мировым, Марком Новицким, Геленой Великановой, Тамарой Миансаровой — мы тогда очень гордились ее победой в Сопоте, где она спела песню, ставшую для всех нас знаковой — «Пусть всегда будет

С Ниной Дорда на «Экспо-70»

Борис Брунов

солнце...». Нам посчастливилось в «сборниках» выходить на сцену с известными актерами кино и театра Михаилом Жаровым, Николаем Крючковым, Анатолием Кторовым, Серафимой Гиацинтовой.

Оглядываясь назад, завидую самому себе: я участвовал в одной концертной программе с легендами отечественного искусства Симоном Коганом, Мишей Банком, Аликом Тартаковским... Таких солистов-инструменталистов как Симон у нас в России было всего двое: Цфасман и Коган. Мне с Симоном даже довелось аккомпанировать самой Изабелле Юрьевой. Это был знаменательный концерт, он считался долгие годы последним выступлением «белой цыганки» — после него она не выходила на сцену 20 лет. Когда Изабелле Даниловне исполнилось 90 лет, ей присвоили звание народной артистки России и чествовали в знаменитом тогда Театре Эстрады, которым руководил Б.С. Брунов. Это Борис Сергеевич уговорил Юрьеву после такого огромного перерыва вновь встретиться со сценой и зрителями, и он стал инициатором и организатором торжественного концерта в честь замечательной певицы.

Наше трио — Володя Сафонов, Симон Коган и я — у организаторов концертных мероприятий пользовалось авторитетом, который обеспечивал успех у зрителей, поэтому нас охотно занимали в самых разных программах. Конечно, каждый из трио занимался и индивидуальной творческой деятельностью на эстраде. До нашего трио С. Коган выступал с Виталием Понаровским, его дочь Ирина Понаровская — одна из самых интересных и узнаваемых вокалисток на нашей эстраде. С Виталиком я дружил очень долго и вспоминаю его как доброго и талантливого человека. Интересным оказалось творческое сотрудничество Когана с Беном Бенциановым, которому он аккомпанировал, когда тот приезжал из Ленинграда в Москву.

В общем, жизнь била ключом, и вдруг мне предложили войти в программу, подготовленную для «Экспо-70» в Японии. Из музыкантов там были заняты Юрий Гранов, и Николай Глубоков, гитарист-балалаечник и я.

Из певиц взяли Нину Дорду и Александру Стрельникову из Ленинграда. Все вместе мы создали яркую фольклорно-русско-советскую песенную программу, которую и повезли в Японию, где почти восемь месяцев радовали ею японских зрителей. Принимали нас очень тепло, это была настоящая русская программа — красивая, красочная, веселая и звонкая. Никаких потуг удивить «заграничным» мы не делали, и это стало нашей большой творческой заслугой.

Успех в Японии тоже неожиданно повлиял на мое решение сотворить что-то интересное и свое. Так что мысль о создании будущих «Самоцветов» у меня возникла в Японии — естественно, тогда это были фантазии на тему. Реализация же всех мыслей состоялась дома, среди своих.

***

В начале 1971 года нас пригласили на гастроли с командой программы «Товарищ кино». Тогда «Самоцветы» только начинали репетировать свою первую программу, мне

выпала огромная честь работать на одной сцене с уникальным актером, Великим мастером сцены и экрана Иннокентием Михайловичем Смоктуновским.

Наш маршрут проходил по городам Сибири. Фильм «Гамлет» тогда только вышел на экран, и имя Смоктуновского было у всех на устах. Им восторгались, любовались, его хотели видеть, и все стремились попасть на наши концерты. Меня от присутствия рядом такого артиста просто бросало в шоковое состояние. Я не мог поверить в реальность происходящего: Гамлет рядом со мной! Он здоровается, и мы идем с ним завтракать! О какой еде может идти речь, когда рядом принц Датский?

Я был поражен его интеллигентностью и добротой. Мне всегда казалось, что Смоктуновский — человек закрытый, и весь мир в его душе замкнут на надежный запор, и вдруг оказалось, что это открытый, душевно относящийся к людям человек, который в некоторых ситуациях проявлял себя неожиданно очень активно. Я был свидетелем, как он «поливал» областное начальство Томской области, где жила его сестра и откуда он родом.

А происходило это так: нас привезли в Томск сначала на концерт, потом на банкет. Столы ломились от изысканных угощений. Банкет должен был состояться на первом этаже в огромном зале с большими окнами, и около этих окон снаружи сгруппировались люди, которые, естественно, заглядывали в окна. Местная администрация распорядилась срочно эти окна зашторить и, глядя на эту суету, Иннокентий Михайлович громко сказал: «Зачем вы лишаете людей возможности посмотреть на продукты, которых они давно не имеют? Пусть народ узнает, что вы храните в своих холодильниках. У меня сестра здесь живет, так ее семья три года масла не видела».

А потом за столом, обращаясь к начальству, Иннокентий Михайлович сказал: «Зря вы все это затеяли. Мне неловко среди всего этого изобилия, когда народ, что стоит на улице, уже забыл, как выглядят настоящие продукты. По воле судьбы я участвую в этом мероприятии, но мне оно неприятно».

Все присутствующие обалдели, а я даже рот открыл от удивления. Редко кто посмел бы так резко обозначить свою

позицию, а вот Смоктуновский смог. По-моему, он был очень отважный человек. Как-то, заехав в «Мюзик-холл», я рассказал об этом эпизоде Александру Павловичу Конникову, и тот, выслушав меня, добавил: «Иннокентий Михайлович — человек смелый и к тому же очень доверчивый. Душа у него детская, он верит в реальность происходящего на сцене, и никакая тирания профессионализма не мешает ему сохранять непосредственное восприятие».

— Однажды, — рассказывал Александр Павлович, — я видел, как Иннокентий Михайлович ведет себя на просмотре детского спектакля. Это непередаваемо! Он воспринимал его так же, как маленький зритель: топал ногами, кричал, на лице его отражались волнение и тревога за положительных героев, и он всячески выражал свое отрицательное отношение к плохим героям.

— При этом, — подчеркнул Конников, — Иннокентий Михайлович совершенно не притворялся и не играл. Такова его

На телевизионной съемке программы «Под знак Козодиака». 1993 год

была естественная реакция. Это, конечно, великий дар, и немногие им обладают. А вот Смоктуновский обладал!

Когда мы в программе «Товарищ кино» исполнили свой номер и получили в награду аплодисменты зрителей, за кулисами нас ждала еще одна награда. Подошел народный артист СССР И.Смоктуновский и, как бы благословляя нас на дальнейшее, сказал: «Юра, вы молодцы! Я уверен, у вас все получится и все будет хорошо. Так что дерзайте!». Сегодня, когда Иннокентия Михайловича нет, я, кланяясь памяти Великого артиста, могу сказать, что мы оправдали его веру в нашу интересную и долгую творческую жизнь, на которую он благословил нас одним из первых.

Ныне другие критерии оценок. Конечно, есть люди, которые и сегодня представляют честь, совесть и интеллект нации. Но уже на другом уровне — не с позиций Гамлета, а на уровне героев фильмов «Ночной дозор» или «Брат». А это совсем другая отметка на шкале человеческих ценностей, что на эстраде очень заметно. Почему на эстраде? Да потому, что я веду разговор, существуя в рамках этого направления в искусстве, и не чувствую в себе ни желания, ни возможностей решать на этих страницах глобальные вопросы деградации отдельных очень важных понятий и в искусстве, и в целом.

В мире эстрады проблема поколений очень четко вырисовывается: нам на смену приходят совсем другие люди — есть талантливые, бесспорно, но уж очень быстро, не успев реализоваться творчески, они становятся звездами. Журналы начинают публиковать материалы, рассказывающие об их личной жизни. Нам показывают их свадьбы, квартиры, виллы. Они открывают двери шкафов, распахивают двери своих спален и демонстрируют свои «сексодромы» — это не я, а одна певица придумала такое определение. Далеко не юная женщина, она продемонстрировала фотокорреспонденту свой дом и свои туалеты. Я против таких откровений. У актера всегда должна быть тайна. Смоктуновский был человеком с тайной, никто из чужих не видел ванны и спальни Гамлета.

Я развел это «брюзжание» не потому, что я против богатой жизни артистов эстрады, просто я за то, чтобы больше

писали и говорили о творческих моментах и эпизодах жизни. Давайте говорить о вдохновении, а быт пусть звезды разделяют с близкими людьми, кстати, и семейные проблемы тоже. А то достоянием всего мира делают редкое общение известного актера с бабушкой! Это что, тема для творческого разговора? Интересно, а свою-то бабушку журналист давно навещал или ему некогда: он все чужих расспрашивает об обидах, нанесенных именитыми внуками.

Меня радует, что сегодня у исполнителя есть много возможностей, есть индивидуальная подготовка. Фантазия человека свободна, и он имеет огромный потенциал для создания, как сейчас называется, творческого имиджа, то есть выявления индивидуальности через внешность, поведение, детали туалета. Хорошо бы еще и репертуар разнообразить, а не тянуть всем одну мелодию с разными, но одинаково бессмысленными текстами. Я думаю нужно пройти своеобразный этап вакуума, чтобы люди поняли, что талант — дар Божий — во многом определяется и формируется внутренним содержанием самого человека.

ВИА «Самоцветы». 1983 год

Теперь много говорят о том, что надо играть и петь «живьем», а играют и поют по-прежнему под фонограмму. Не все, конечно. Для того чтобы не прикрываться фонограммами, надо каждый день репетировать, да еще с полной отдачей. Для «Самоцветов» репетиция всегда была «конституцией», нарушать законы которой нельзя, даже если нам приходилось отрабатывать по три концерта в день.

Мне кажется, что в наше время творческие люди больше думали и о профессии, и о проблемах искусства, и о направлении творчества в целом. И уровень образования, конечно, многое решает в нашем деле.

***

К «Самоцветам» я подошел достаточно подготовленным не только как исполнитель, но и как администратор. Небольшой опыт организаторской работы у меня уже имелся — были какие-то отношения с редакторами «Москонцерта», администраторами, артистами и вокалистами, номера которых нуждались в музыкальном сопровождении. Я работал с Афанасием Беловым, Тамарой Кравцовой, Олегом Анофриевым, Марией Лукач, Львом Мировым и Марком Новицким. С Аликом Писаренковым мы сделали программу, в ней был занят блестящий пианист Левон Оганезов, и поехали на целину. Мы показали этот сборный концерт в Актюбинске, Павлодаре, Омске и других городах. Я не был бригадиром команды, на эту должность назначили более старшего и опытного человека, но смело могу похвастаться, что являлся «мотором», организатором этого действа, и мне это было интересно не только творчески, но и финансово.

В те времена я много работал от бюро пропаганды кино. Ездил с Людмилой Гурченко, аккомпанировал Веронике Кругловой, Ирине Подошьян, Афанасию Белову. Бюджет, выделяемый профсоюзом на проведение мероприятий, был очень ограниченным. Мы обслуживали зрителей сельских регионов, праздничные мероприятия

на производствах — иногда выступали на заводе ЗИЛ, в троллейбусном парке... Концерты были, конечно, не такие шикарные и масштабные, как сейчас на корпоративных вечеринках.

Но именно на этих «маленьких» концертах я приобретал свой опыт, навыки и вообще изучал технику создания и проведения эстрадного действа, и главным в этом было наличие артиста, зрителя и посредника в лице представителя заинтересованного государственного учреждения и «Москонцерта».

Подспудно я всегда мечтал о своем «деле», но, как я уже говорил, наиболее четко эта мечта определилась в 70-м году в Японии, где я увидел такую шикарную богатую творческую палитру, такое разнообразие музыкальных проявлений в искусстве, что совсем потерял голову. На сценах дружно уживались джаз, фольклор, классика и «чистая» эстрада, так называемая поп-музыка, которая представляла собой коктейль из всех этих музыкальных направлений. Недаром при первом нашем появлении на «голубом экране» прозвучали две песни очень разного характера: сугубо эстрадная «Увезу тебя я в тундру» и старинная народная «Пойду ли, выйду ль я».

***

Накануне отъезда на Кубу я был приглашен на прием к Екатерине Алексеевне Фурцевой — тогдашнему министру культуры. Я потом подумал, что, наверное, был одним из последних, кто видел ее живой: в ту ночь Фурцева ушла из жизни...

Е.А. Фурцева была для меня уважаемым человеком: она очень внимательно относилась к молодым, да и к народным и заслуженным артистам тоже. Помню, как тепло она поздравляла меня с лауреатством, какие добрые напутствия давала перед поездкой на Кубу — нам предстояло выступать там почти два месяца. Я пробыл у нее в кабинете 20 минут и заметил, что она неважно себя чувствовала. Поскольку я ехал руководителем группы, она попросила меня лично

передать письмо послу и от ее имени произнести со сцены приветственные слова кубинскому народу.

Я запомнил, как она вышла из-за стола, шагнула мне навстречу и чуть не упала, так сильно ее качнуло. Но она быстро взяла себя в руки и села, предложив мне место рядом с собой. Разговор был очень дружеским: Екатерина Алексеевна расспрашивала меня о музыкальном конкурсе, советовала, что посмотреть на Кубе, где побывать, сказала много добрых слов обо мне лично, что было очень приятно. О ее смерти мы услышали по радио уже на Кубе. Министром культуры назначили П. Демичева. Это было в конце октября. Прощались с ней во МХАТе им. Горького. Такая была встреча и прощание с Е.А. Фурцевой — незабываемым и красивым министром нашей культуры.

***

С самого начала я совершенно точно знал, каким он должен быть — ансамбль моей мечты. Может быть, я опять повторюсь, но рука сама пишет эти строки. Я хотел, чтобы

Фрагмент концерта. 1973 год

мой вокально-инструментальный ансамбль исполнял песни понятные, доступные моему родному зрителю, для которого я и создавал все это. Хотел, чтобы песни были созвучны эпохе, в которой мы жили. Я мечтал об исполнителях, которые пели бы и играли на современных инструментах — обязательно должны быть барабаны, бас-гитара, электрогитара, орган и духовые инструменты. Передо мной стояла задача создать ансамбль, где ребята пели бы и сами себе аккомпанировали. Трубач должен петь, клавишник должен петь, гитаристу петь сам Бог велел.

И еще. В тогдашних коллективах, именуемых ВИА, отсутствовал женский голос, а мне очень хотелось, чтобы в наших песнях он звучал. И вот появилась Ирина Шачнева. Эта вокалистка обладает уникальным талантом. Ей было всего 19 лет, когда она вошла в нашу команду. Выпускница дирижерско-хорового факультета Гнесинского музыкального училища, Ирина поразила меня своим замечательным голосом и абсолютным слухом.

Она обожала The Beatles и пела их песни на английском языке. Иру привел к нам Слава Добрынин. Он был знаком с ее мужем Алексеем, который позднее пришел работать к нам звукорежиссером, хотя играл на басу, но в «Самоцветах» на басу играл я сам, потому что в те времена нельзя было быть только художественным руководителем ансамбля, надо было еще и быть исполнителем.

Ира очень быстро стала своеобразным центром, вокруг которого располагались мужчины-солисты. Тогда на эстраде «лицо» ансамбля определялось репертуаром. Например, «Беловежскую пущу» лучше, чем «Песняры», не спел никто. И я утверждаю, что лучше нас песню «Мой адрес — Советский Союз» никто не исполнил. Для зрителей эта песня существует только в нашей «подаче».

В первом составе ВИА «Самоцветы» играл Лева Оганезов, который аккомпанировал Олегу Анофриеву. Мы даже хотели назвать коллектив «Бременские музыканты». Этот мультфильм тогда лидировал на киношном Олимпе, а Анофриев был очень востребован, этот певец и артист пользовался фантастической популярностью у народа. Когда-то

Олег являлся ведущим актером Центрального детского театра, и я думаю, на драматической сцене его ждала не меньшая слава, чем на эстраде. Для моего творческого формирования этот человек сделал очень много, и я не перестаю говорить ему «спасибо».

Опыт работы, который я приобрел с Олегом, дал мне возможность определиться в моих творческих фантазиях. Он исполнял много песен советских композиторов, сочинял сам, предпочитал писать музыку на стихи Бернса. Мне это до дрожи нравилось, и именно с Олегом Анофриевым я выработал некую концепцию будущего коллектива.

Пишу эту книгу, и память подсказывает: сколько же людей советами, добрым участием и просто вниманием помогали мне в создании «Самоцветов»! Как не рассказать о встрече в Японии с Борисом Сергеевичем Бруновым? Тогда на «Экспо-70» каждые 2—3 недели приезжали разные сборные актерские группы из всех союзных республик, постоянной была только наша группа от Министерства культуры. С одной из актерских групп приехал Борис Сергеевич. Мы рады были видеть друг друга, нас уже тогда связывали добрые человеческие и «рабочие» отношения.

В одной из наших бесед я поделился с ним мечтой приобрести оборудование для ансамбля, который хотел создать. Борис Сергеевич в то время еще не был народным артистом и художественным руководителем Государственного театра Эстрады — он был просто артистом «Москонцерта» и безумно популярным конферансье. Я рассказал, что кое-что поднакопил и кое-что приобрел — каждый раз, когда в руках оказывались деньги, покупал то микрофон, то гитару... Он очень это дело одобрил и познакомил меня с Катей Тархановой, которая работала в передаче «С добрым утром» и постоянно привлекала в свою программу новых артистов. Катя сразу прониклась идеей создания ансамбля, и в течение довольно долгого времени мы с ней обсуждали мои творческие идеи и проблемы. Жизнь в выставочных павильонах «Экспо-70» кипела, как вода при 100 градусах. Приезжали высокие гости, члены правительства, среди

них была и Е.А. Фурцева. Мы буквально жили в нашем павильоне, там постоянно шли концерты.

На этой престижной выставке было представлено 140 стран. Мы с Катей ходили по павильонам, смотрели выступления разных концертных групп. И обязательно каждую субботу в 00:20 на телеэкране появлялся Том Джонс с большим оркестром — биг-бэндом. Это было нечто! Джонс тогда только начинал свою феерическую карьеру. Но уже в 1970-м году он был очень популярным в мире исполнителем. Мир сходил с ума от его песни «Delilah». У нас ее русский перевод осуществил один из самых талантливых поэтов-песенников того времени Онегин Гаджикасимов, автор текстов таких песен, как «Восточная», «Мир без тебя», «Эти глаза напротив» и, конечно, «Делайла». Как я тогда мечтал, чтобы у меня в будущем ансамбле появился певец, который пел бы с такой отдачей, как Том Джонс: «Нет у меня ни гроша за душой — это верно!»

Вернувшись из Японии, я сразу начал формировать коллектив и репетировать. Когда я позвонил Кате Тархановой и рассказал об этом, она дала мне очень дельный совет: «Юра, начинай работать с Фрадкиным, у него есть замечательная песня, и я думаю, что Фрадкин — тот композитор, который вам нужен». Катя Тарханова «навела» меня на М.Г. Фрадкина и всегда была верным помощником в моих творческих исканиях в 70-е, такие далекие ныне годы. Я все время ловлю себя на том, что в своих «мемуарах» мне хочется вспомнить как можно больше людей, которые были со мной в то время. Ведь это было начало и очень нелегкое начало ВСЕГО...

Марк Фрадкин — замечательный композитор, он дал нам «Увезу тебя я в тундру» и рикошетом подарил название ансамбля, ведь «Самоцветами» мы засверкали от блеска его песни. Позднее Марк Фрадкин познакомил меня с Пляцковским, и песни этих замечательных авторов стали базой, основой, на которой формировался репертуар нашего коллектива. И вдруг я встречаюсь и очень активно начинаю общаться с Эдуардом Кроликом, он тогда руководил квартетом «Лада», который работал в оркестре Олега Лундстрема. А мне как раз очень не хватало грамотного вокального организатора, и я пригласил

Кролика перейти к нам в ансамбль. Мы тогда готовили программу на показ в «Москонцерте», и я пересмотрел очень многих исполнителей. В результате этих «смотрин» к нам присоединился Жарков. У нас образовался состав из восьми человек — Маликов, Кролик, Шачнева, Раппопорт, Пузырев, Пильщик, Березин, Жарков. Программу мы сдали 14 июля 1971 года, и таким составом отправились в первую гастрольную поездку.

Помимо всяких творческих и организационных дел, параллельно решались личные проблемы. У Эдика Кролика было великое множество поклонниц — ничего удивительного: красивый артист с замечательным голосом, он блестяще исполнял песню О. Иванова «Горлица». Эдик очень быстро стал моим родственником, женившись на сестре моей жены.

Не все прежние друзья оказались верными до конца, к сожалению, были друзья — стали недруги. Был у нас барабанщик Николай Раппопорт, старше меня лет на восемь, казался мне человеком опытным, я был к нему очень расположен и делился с ним всеми своими планами и идеями. Когда я создавал «Самоцветы», он, естественно, был рядом, играл в первом составе нашего ансамбля и выходил на сцену вместе со Славой Добрыниным. Потом он от нас ушел, взял псевдоним Николай Михайлов и стал руководителем ансамбля «Пламя». Кажется, ничего особенного — ушел с одной работы на другую, сменил имя... И я бы не вспоминал о нем с такой горечью, если бы этот самый Коля Раппопорт-Михайлов не опубликовал в интернете информацию о том, что проект ВИА «Самоцветы» был разработан и создан им. Я не расстроился — рассердился, а это со мной бывает крайне редко. «Самоцветы» — мое кровное детище, я не собираюсь выступать в роли суррогатного родителя и никому и никогда свой ансамбль не отдам. К сожалению, Н. Раппопорт (Михайлов) оказался не единственным, кто пытался присвоить имя «Самоцветов», а позднее и наш репертуар.

***

А теперь о тех, о ком действительно стоит говорить и вспоминать.

Лева Оганезов — виртуозный пианист, блестящий эстрадный артист и удивительно добрый и умный человек. Работать с ним — это «праздник, который всегда с тобой». Однажды Лева не смог поехать с нами на гастроли, и мы вынуждены были искать пианиста. Наш музыкант Гена Макеев сказал мне, что в таксопарке репетирует его брат Леша Пузырев, и мы с ним пошли туда. Кстати, в таксопарке на репетиции я впервые познакомился со Славой Добрыниным, он тогда еще был Антоновым и только что окончил МГУ. Мне эти ребята — и Леша Пузырев, и Слава Добрынин — очень приглянулись. Им тоже мое предложение создать новый ансамбль показалось интересным. Материальной заинтересованности они в таксопарке не имели, там платили очень мало. Я же предлагал более интересные творческие и финансовые перспективы. И вот мы все оказались вместе: Коля Раппопорт, Гена Макеев,

Юрий Маликов и Татьяна Коршилова

Леша Пузырев, Слава Добрынин, который очень скоро привел Иру Шачневу.

Тут судьба свела меня с Сережей Березиным — очень талантливым человеком. Прекрасный музыкант, интересный аранжировщик, Сережа всегда очень уверенно и органично вписывался в сценическое действо. И неважно, что мы потом расстались: у него «Пламя», у нас «Самоцветы». Важно, что в историю создания ВИА на российской эстраде мы вошли как единомышленники и партнеры. Позднее я пригласил в нашу команду Леву Пильщика.

Директором «Москонцерта» тогда был товарищ Владимиров, он и должен был решить мою судьбу и судьбу моих музыкантов. Владимиров сказал: «Я не против, уже есть на эстраде ВИА «Веселые ребята», «Голубые гитары». Вы будете третьими. Но все решает художественный совет. Даст худсовет добро — дерзайте. Я за поиск и находки!». Члены худсовета в «Москонцерте» прекрасно понимали, что эстрада — это такой вид искусства, который все время должен находиться в поиске, степ на одном месте никого надолго не увлечет, надо двигаться и фантазировать. Я получил «добро» худсовета и «букет» напутствий. Все это меня устраивало и вдохновляло. Хочу сказать большое спасибо музыкальным руководителям «Москонцерта» Б.М. Холопенко и С.Х. Мелику, с которыми я дружил.

Мы начали репетировать, и тут я совершил очень важное дело: я первый заставил Славу Антонова (Добрынина), который был страшным битломаном, запеть по-русски. К нам примкнул флейтист Глеб Май. Мы стали исполнять песню «Туман» из кинофильма «Хроника пикирующего бомбардировщика», эту песню принес Глеб, а Ира предложила «Пойду ли, выйду ль я». Так понемногу начинал складываться наш первоначальный репертуар.

Судьба была к нам благосклонна. Я уже упоминал о нашей работе с Олегом Анофриевым. Она началась задолго до того, когда мы с программой «Товарищ кино» в 71 году гастролировали в Томске, где и сложились наши творческие отношения с Марком Фрадкиным. Марк Григорьевич как композитор исполнял в программе «Морзянку», мы все

ему подпевали и подыгрывали, а в перерыве он мне сказал: «Юра, у меня для вас есть песня, я уже ее отдал Краснознаменному ансамблю, но то, что они мне показали, меня не устраивает. А вот у вас, я думаю, получится как надо». Сейчас, наверное, такое не могло бы случиться — известный композитор просто так отдает ансамблю без имени и его создателю, какому-то Юрию Маликову, замечательную песню, и он же заверяет молодых музыкантов, что у них все получится! Это была песня «Увезу тебя я в тундру».

Мы очень волновались, когда ее репетировали, и ни до, ни после так не выкладывались. Дело в том, что мы очень боялись не оправдать доверия композитора. Потерпеть неудачу в начале творческого пути — это как сорваться с первого выступа, поднимаясь на вершину Памира. Через два дня в концерте мы исполнили песню М.Фрадкина, и публика принимала нас так здорово, что мы поняли: свой флаг на Памире мы водрузим. Теперь надо было на завоеванной вершине удержаться и прочно с комфортом устроиться.

***

Мы расписались с Люсей когда я еще учился, а она танцевала в «Мюзик-холле». Это был один из лучших эстрадно-театральных коллективов не только в Москве, но и в стране. В программах «Мюзик-холла» участвовали известные артисты, музыканты, там была замечательная балетная труппа, а руководил этим коллективов режиссер очень высокого класса и невероятный фантазер А.П.Конников. Александр Павлович — автор известной книги «Мир эстрады». Это ему принадлежат замечательные строки, возвеличившие наш жанр до ранга высокого искусства: «Многими замечено, что после хорошего эстрадного представления наступает какое-то особо бодрое настроение, словно вдохнул чистого воздуха, расслабил напряженные нервы после тяжелой работы. Ошибочно считают, что такой эффект создает «легкость» эстрадного искусства. Наоборот, когда стараются достичь еще большего «облегчения» — поменьше мыслей, поменьше смысла,

Диме 2 года

поменьше ассоциаций с насущными заботами и тревогами дня, когда доводят эстраду до пустоты воздушного шарика, искомое чувство — увы! — не приходит, наоборот, люди покидают зал раздраженными, в дурном расположении духа. Стандарт и шаблон вопиюще противоречат основным творческим законам эстрадного искусства и мешают ему выполнять свои важнейшие социальные функции».

И вот этот знаменитый А.П. Конников пригласил меня работать в оркестр Московского «Мюзик-холла». Я с радостью согласился: меня привлекала работа в одном коллективе с Люсей и перспектива поездки на три месяца в Латинскую Америку, куда должен был отправиться на гастроли Московский «Мюзик-холл». Жизнь, казалось, меня балует: я репетировал в оркестре, купил свою первую машину — это был «Москвич», и должен был выехать на гастроли в Ленинград вместе с музыкантами «Мюзик-холла». В связи с тем, что у меня появилась машина, мы все — я, Люся и Валентина Феоктистовна, моя теща, прибыли в город на Неве на собственном транспорте. Гастроли продолжались целый месяц. Мы жили в гостинице «Октябрьская». Люся танцевала в балете, я играл в оркестре... Замечательно!

Готовясь к поездке в Латинскую Америку, мы репетировали днем и ночью. Визы были уже оформлены, когда что-то произошло, возможно, в политике, и в результате наша поездка была отменена. Естественно, никто ничего нам не объяснил. Эта отмена зарубежных гастролей была ядром, пробившим днище корабля Конникова, и, как всегда, с тонущего корабля первыми побежали крысы. Кстати, творческий закат Московского «Мюзик-холла» совпал с появлением Ленинградского «Мюзик-холла».

Я пострадал меньше всех: человек я был новый, привыкнуть к традициям и коллективу не успел, а как музыкант я был достаточно востребованным, чтобы сетовать на отсутствие работы. Меня тогда пригласили в концертную бригаду, выезжающую в Грецию. Помню, эта поездка принесла изрядный финансовый плюс нашему семейному бюджету, и тогда я решил реализовать свою мечту о собственной квартире и вступить в кооператив.

Мне удалось уговорить Люсю уйти из «Мюзик-холла», который еще продолжал проявлять признаки жизни. Не могу сказать, что ей пришлось по душе мое предложение. Но делать было нечего, мы уже ждали своего первенца, надвигались хлопоты по благоустройству жилья. Чтобы не терять форму, Люся стала готовить сольный номер, в котором был задействован и я. Когда я перетягивал ее из «Мюзик-холла», то видимо был чересчур активным, что вызывало у нее раздражение. Этот сложный период наших личных отношений, слава Богу, благополучно завершился рождением первенца — Димы. Именно в это время мы стали хозяевами собственной кооперативной квартиры, это была реализованная мечта, рядом с которой «производственные» нюансы не казались проблемами. Я очень хотел сына, и был невероятно счастлив, когда он появился. В профессии, мне кажется, выбора у него не было: все вокруг дышало и жило музыкой, мелодии лились рекой. В доме, где мы поселились, музыка жила в каждой квартире — с нами соседствовали композиторы, музыканты и певцы. Праздники мы отмечали дома — тогда это было модно.

Дима рос спокойным и каким-то не по возрасту мудрым ребенком. Он не отлынивал от музыкальных занятий и активно занимался спортом: летом играл в футбол, зимой — в хоккей, благо хоккейная площадка находилась во дворе школы. У него всегда было много друзей. Дима очень рано проникся моими профессиональными и организаторскими интересами. Помню, приезжаю домой и спрашиваю Валентину Феоктистовну: «Кто мне звонил?». Пока она припоминала, подбежал Дима и четко отрапортовал: «Папа, тебе звонил Фрадкин (композитор), Прудкин (директор) и Плоткин» (администратор).

***

Когда-то мудрый и смелый писатель и летчик Антуан де Сент-Экзюпери сказал слова, которые стали для меня определяющими в отношениях с людьми: «Нет большего счастья, чем

счастье человеческого общения». Мне есть кого вспомнить, кому сказать спасибо, есть о ком поплакать и с кем разделить радость творческих и жизненных свершений. Мне есть, кем и чем гордиться! Когда я писал эту книгу, все время мысленно обращался к очень многим людям. Я тосковал о тех, кого нет, и благодарил Бога за дружбу и понимание тех, кто рядом.

Иногда мне очень хотелось вдруг очутиться на родном хуторе и прижаться лицом к маме, чтобы почувствовать ее тепло и особый родной дух моего дома. Этот дом пах мамой, ее обедами, ее руками, немудреными духами. А как хотелось бы почувствовать на своем плече руку отца и через это прикосновение зарядиться верой в то, что все будет хорошо, и услышать, что он гордится мной и своими внуками.

Я так благодарен моим родителям, дедушкам и бабушкам, тетям и дядям за их любовь и добро, что согревали меня в детстве, за то, что они научили уважать и беречь людей, которые рядом. Я высоко ценю то, что сделано для общества, и то хорошее, что ты сделал для своей семьи. Это у моих стариков я научился понимать людей, входить в их безвыходное положение и стремиться помочь тому, кто нуждается в помощи.

Конечно, это замечательно, когда тебя слушают, и ты имеешь право что-то решать, но не менее замечательно, если ты умеешь слушать и слышать и уверен, что если тебе понадобится помощь, друзья протянут руку. Я рад, что рядом со мной есть люди, на которых надеюсь: мне приятно общаться с Михаилом Шабровым, человеком умным, добрым, автором прекрасных песен и стихов. Я глубоко уважаю Виктора Афанасьевича Моисеева, первого вице-президента двух творческих союзов — Союза музыки и Союза эстрады. Это удивительный человек, понимающий все твои проблемы, ему можно доверить все, что тебя волнует. Он очень хорошо умеет слушать и умеет помогать. У меня были, есть и будут семья Банков, Алла и Миша, которым я многим обязан. Это здорово, когда есть «жилетка», в которую можно поплакать.

Не все свои проблемы ты несешь в семью — есть дела, которые нуждаются в обсуждении и совете профессионалов, которым ты доверяешь. Недавно из жизни ушел заслуженный артист России конферансье Игорь Киричук. Он был замечательным знатоком западного и европейского искусства. Как мне было с ним интересно! Игорь много дал мне с точки зрения эстетического восприятия мира. Когда-то он замечательно вел концерты оркестра О. Лундстрема и сборные концерты, очень часто я приглашал его вести наши программы. Отношения наши вряд ли можно назвать дружбой, но это было замечательное человеческое общение. Оно мне много дало для души. Мне будет очень не хватать Игоря, и я низко кланяюсь его памяти. Так же давно нет и моего друга Эмиля Радова, большого мастера эстрады.

Мне везет на хороших людей. Есть у меня и у моей семьи очень близкие люди — Виталий Михайлович и его жена Любочка. Их маленькую дочку Машу крестила моя Инна,

Маликову Юрию Федоровичу в день рождения

Хороша была эстрада,
Были юмор и фольклор,
Шутки, танцы, акробаты
И серьезный разговор!

Много из того пропало,
Наши песни не слышны.
Не хватает, скажем прямо,
Для раскрытия души.

А названья коллективов
Непонятны стали, тупы,
Если раньше были ВИА,
То теперь зовутся группы.

Есть «Тату», «Виагра», «Корни»,
«Крематорий», «Мумий Тролль»,
От названия которых
В голове сплошная боль.

Но искусство все ж всесильно,
Как народные приметы.
Есть и будут у России
Маликов и «Самоцветы»!

Словно камни дорогие,
«Самоцветы» все ценнее,
Потому что вместе с ними
Стали мы душой сильнее.

Добрый, мудрый, хлебосольный,
Ты уже немало лет
Украшаешь клуб футбольный,
Самый главный «самоцвет».

В поле мудро ты играешь,
Видишь все издалека.
Никогда не забываешь
Крикнуть вовремя «Рука»!

Для тебя футбол — работа,
Ты не можешь есть и пить,
Если встанешь на ворота,
Гол так просто не забить.

Позволь же, Юра, в день рожденья
От всей команды пожелать
Успехов, творческих мгновений,
И про футбол не забывать!

От друзей по клубу
«Лейб - медик» 6 июля 2004 года

так что мы почти родственники: моя дочь — крестная мама дочери Виталия Михайловича. Фамилию его я не называю, потому что не знаю, как он отнесется к упоминанию о его добрых делах и его помощи мне в трудную минуту. Но на страницах своего жизнеописания я хочу сказать в адрес этого человека самые теплые слова и пожелать его семье покоя, здоровья и благополучия. Кто знает, если бы не его помощь, писал бы я сейчас свою книгу, балуя себя экскурсами в прошлое и радуясь настоящему? Об этом забывать нельзя.

Среди дорогих и уважаемых людей — все члены футбольной команды «Лейб Медик». Это врачи, причем врачи высочайшего класса, люди известные, авторитетные, они к тому же удивительно добрые и классные мужики. Мы вместе играем в футбол, я один или два раза в неделю тренируюсь в нашем футбольном клубе и получаю высочайшее удовольствие от общения с этими людьми. Вообще, это замечательно, что мы, люди «серьезного» возраста, с различными недомоганиями, так по-юношески носимся с мячом. Мы тренируемся в закрытом спортивном комплексе, там же плаваем в бассейне, ходим в баню, а иногда и просто приезжаем и обсуждаем свои проблемы. Это и есть высшая роскошь — человеческое общение!

И я бываю очень счастлив, когда бегу за мячом рядом с моим другом Сергеем Павловичем Мироновым. Мы оба чувствуем себя мальчишками, уверенными, что «вся жизнь впереди». Сергей Павлович — не только врач, знающий, как лечить физические недуги, он хорошо изучил человеческую природу, и справляться с душевными болями людей ему тоже под силу.

Конечно, рассказать обо всех невозможно. Но спасибо судьбе — она дарила мне с самого начала появления в Москве встречи с людьми, ставшими легендами нашего искусства, и люди эти относились благосклонно к создаваемому мной ансамблю и помогали, очень помогали! Смоктуновский, Брунов, Шукшин, Катя Тарханова, Фрадкин... А разве я могу забыть помощь Эры Куденко, 8 августа 1971 года — наш первый эфир на радио. Эра говорит: «И как будет называться ваш ансамбль?». Я отвечаю: «Пока не знаю».

С Анатолием Ромашиным. 1993 год

«А давайте обратимся к радиослушателям!». «О-ля-ля! — закричал я. — Это было бы так здорово!».

Потом больше тысячи писем пришло, и были очень интересные предложения, только нам они не подошли. Мы сами нашли самое лучшее и красивое имя! А когда раздавали автографы, так шикарно подписывались — «Самоцветы».

Ко мне после концерта часто подходят с вопросом: «А можно с Вами сфотографироваться на память?» или: «Подпишите программу, афишу, фотографию...». Я к этому очень хорошо и внимательно отношусь. Во-первых, это часть нашей профессии, во-вторых, свидетельство интереса к вашей персоне и вашему ансамблю — однажды в Серпухове я после концерта часа полтора общался со зрителями, фотографировался, давал автографы, слушал хорошие слова и их пожелания... Еще раз могу сказать: нет ничего дороже человеческого общения.

Сам я в своей жизни взял только три автографа. Это было в Москве, в пресс-клубе на седьмом этаже гостиницы «Москва». Теперь этой гостиницы нет, но в моей памяти это культовое место будет существовать всегда. Именно там в

былые времена собирались после творческих событий и просмотров все артисты и журналисты. В этом пресс-клубе в 1963 году проходила встреча участников не помню какого кинофестиваля. Кого там только не было — Ив Монтан, Софи Лорен, Джина Лоллобриджида, Тони Кэртис! Они общались, пили коктейли. А мы, и я в том числе, сопровождали это общение тихой музыкой. Ансамбль у нас был полуджазовый, полусалонный, и играли мы интернациональную музыку — не пели, только играли. Среди этого «созвездия» я выбрал своего любимого актера и взял у него автограф. Актер, когда я его попросил об этом, даже смутился:

— Что вы, почему у меня? Смотрите, сколько здесь знаменитостей! Мне даже как-то неудобно.

— Вы — мой самый любимый артист, и фильмы с вашим участием я могу смотреть бесконечно: «Два бойца», «Трактористы», «Большая семья»...

Народный артист СССР Борис Андреев усмехнулся, достал фотографию и расписался. Это очень дорогая для меня память!

И еще однажды я взял автограф у Бени Гутмана, который расписался на билете своего концерта.

А о третьем автографе (имея ввиду премию Ленинского комсомола) я уже рассказал.

Мне хочется сказать искреннее спасибо многим моим друзьям, которых я не упомянул в своей книге. Особенная благодарность — Борису и Олегу, которые помогли мне осуществить задуманный юбилей, а также всем, кому дороги «Самоцветы».

На этих страницах я часто низко кланяюсь памяти ушедших моих наставников и друзей. Это не художественный ход, а мое истинное признание великого значения помощи и поддержки людей, которым я обязан очень многим. И не надо меня корить за эти поклоны — только так я могу выразить им свою безмерную благодарность и уважение за все сделанное для меня.